

ЗАПОНКИ ИМПЕРАТОРА,

ИЛИ ОРЕХИ ДЛЯ БЕЗЗУБЫХ

ЛАРИСА ИСАРОВА

РИСУНКИ БОРИСА СОТНИКИНА

ПРЕДЫСТОРИЯ

С пятнадцати лет моя фигура назойливо лезла в глаза мужчинам. Мне не давали проходу представители так называемого сильного пола с восточной окраской. Пышный бюст в сочетании с тонкой талией, длинными ногами и вполне округлыми бедрами да еще рыжие волосы и зеленые глаза.

По знаку зодиака я Скорпион, по году — Лошадь, по матери — еврейка, по отцу — русская. Из-за такой анкеты на мне не рещались жениться посольские сынки, и меня не направили на работу в Интурист, хотя я с отличием окончила западное отделение филфака МГУ. В качестве отступного за «неудачную» мать мне предлагалось переспать с парой чиновников или с одним комсомольским функционером. Я фыркнула, «как дикая кобылица» (выражение моей любимой подружки Алки), и оказалась в английской спецшколе.

Пять лет я «отслужила» женой сокурсника Гриши, похожего на ежа и доходившего мне до плеч. Он обожал жаловаться на житейскую беспомощность, был чемпионом по ангинам и считал себя гением.

Я вышла за него замуж, прописала у родителей, а когда отец бросил мать и, женившись на иностранке, укатил в Австралию, мы разменяли квартиру. Нам досталась двухкомнатная в пятиэтажке, и я терпеливо содержала своего мужа на учительскую зарплату, пока он, освобожденный по зрению от армии, писал «гениальную» антиутопию, пренебрегая «хлебной журналистикой». А когда пришел успех, он сказал, что «жизнь слишком длинна для одного чувства». Мы вновь разменяли квартиру, и я оказалась в коммунальном раю с богомольной старухой и веселым алкашом.

Зарплаты совковой учительницы хватало только на еду, и я злилась, когда видела, как «прикинуты» бывшие сокурсницы, не вылезавшие из-за бугра.

Несмотря на внешность и прекрасное знание английского, мне на родине ничего не светило. За любой прорыв из школы в аспирантуру, в переводчики, в гиды требовалось расплачиваться натурой, а я считала, что если торговать собой, то за «милion».

Работу в спецшколе я ненавидела. Вначале что-то придумывала, устраивала даже спектакли с учениками, но со мной обращались, как с прислугой, и администрация, и родители. Хвалили снисходительно, ценили с иронией; я была одета хуже молодых кобылиц и прыщеватых юнцов и не могла сорить деньгами ни родительскими, ни своими.

С матерью близость кончилась много лет назад, когда я поняла, что она из фанатичек, думающих о благе всего человечества, а не о дочери в штопаных колготках. И хотя, работая в издательстве «Искусство», она дружелюбно общалась даже с дочерью Генсека, от нее мне ничего не перепало, кроме нравоучений в духе «шестидесятников» за мой прагматизм. А самое смешное, что она откасалась уехать, несмотря на все просьбы моего отца. Она говорила: «Это — моя родина! Что будет со всеми, то и со мной! Если начнутся погромы, пусть убивают, но от руки рус-

ских это приятнее, чем от зарубежных террористов». Уехав в Австралию, отец прислал мне приглашение, очень прохладное. Он и дома не отличался щедростью, хотя имел немалые бабки как профессор-отоларинголог. За бугром он быстро открыл клинику, но писал, что устроиться там среднему человеку непросто...

В общем, после развода с Гришей я осталась, как говорится, «голым человеком на голой земле».

Ни мечтаний, ни идеалов, ни надежд. Одно раздражение, как у миллионов моих соотечественниц. Только мне не надо было содержать мужа, а он, к счастью, не наградил меня ребенком.

ЛЮБОВНИКИ

Первое время после развода коллеги усиленно меня сватали.

Предлагались либо маменькины сынки с ранними лысынями и застарелыми гастритами, либо старые холостяки со вставными зубами, готовившие себе нянек или сиделок, либо чужие мужья, согласные «радовать» собой на пару часов. Этих особенно устраивала моя комната, о которой доносила разведка приятелей и приятельниц.

Каждое очередное знакомство кончалось стандартно. Проводы до дома, чаще на метро, чем на такси, просьба о чашечке чая и вороватая попытка раздеть меня.

О браке никто не заикался. Как объяснил один иногородний инженер, я ничего не могла дать, кроме прописки, да и внешность имела опасную, притягивающую неприятности.

Но я не переживала. Пять лет ушло на роль жены-любовницы, жены-прислуги, жены — тягловой лошади, и я считаю, что отработала достаточный срок «семейной» каторги.

А теперь я стояла на распутье, поджигаемая обостренным самолюбием. И потому не обиделась, когда любимая подруга Алка предложила познакомить меня со своим «боссом», профессором-гинекологом из Четвертого управления.

— Учти, вдовец, есть квартира, дача, машина... — Раскатывая тесто на вареники, Алка сообщала подробности телеграфным стилем. — Может, и женится, хотя сначала снимет пробу...

Алка славилась своими варениками с юности. Она и сама была похожа на вареник. Худые руки и ноги и очень мясистая часть от шеи до бедер как спереди, так и сзади. Зато головка ее вызывала симпатии и женщин, и мужчин. С черными вьющимися кудряшками, с коротким носом, круглыми глазами и губами, похожими на букву «о», она казалась сверхпростодушной и кукольно-бесхитростной, хотя на самом деле была практична и трезва. Ее муж работал на «скорой» сутками, и она часто приводила к себе любовников, оправдываясь, что он устает и не тянет как мужчина. Алка никак не могла вырваться из консультации, куда попала по распределению после мединститута, и мечтала об ординатуре. Потому, видимо, и предлагала меня своему профессору в качестве своеобразной взятки.

Я решила вести себя кротко, лишь завлекательно поглядывала на лысого толстяка с тремя подбородками и помалкивала.

— Вы любите картины? — спросил он тонким бабьим голосом.
— Очень.
— Я собираю русскую живопись 20-х годов. Не хотите заглянуть?..

Я стоически терпела его влажное копошение на моем бедре.

— Угощу «Мартеlem». Вы пили его хоть раз в жизни?

— Пила.

— Может, поедем сразу... Она не обидится... Ординатура при Четвертом управлении дорогого стоит.

Конечно, ценой всяких ухищрений можно было его распалить. Он был старше лет на тридцать. Но меня доконали коричневые пятна на его вороватых пальцах, похожих на несвежие сардельки, и его убежденность, что ему все позволено.

И я слиняла, отплеиваясь, как от тухлого ореха.

Потом был бывший друг бывшего мужа, положивший на меня глаз еще во время моего замужества. Мне нравился его цинизм. Сначала он бешено прорывался в Союз писателей, публиковал лакейские статьи о разных секретарях при литературе, воспевал их произведения, как Гомер подвиги Одиссея, а потом, прорвавшись, занялся общественной деятельностью. Вошел в правление Дома литераторов, доставал продукты для буфета ценой дефицитных билетов на концерты Высоцкого и Окуджавы, а позже стал руководить молодыми писателями, оставаясь центристом, покусывая стариков — писательских функционеров, левых публицистов и правых славянофилов.

Как-то он заскочил ко мне с бутылкой водки, похвастал, что «гребет бацли со всех паршивых овец сразу», сделал на кухне тосты из черного хлеба, намазав его шпротным паштетом и толченым чесноком. Все это запек на сковородке соседки, старухи въедливой, религиозной и остроносой. Но его она простила, даже похихикала, пробуя «редакционные отбивные»; он обожал придумывать особые названия для любой еды, которую сочинял на бегу.

В молодости Марат пил по-черному. Его выгнали три жены, он ходил в кожаной куртке и ковбойках, потому что их можно долго не стирать, и хотя не отличался красотой, долговизая сутуловатая фигура его сохраняла определенную привлекательность, как и лицо с большим красноватым носом и маленькими умными глазами усталого слона.

— Слушай, Рыжая, а почему бы нам не попробовать... — сказал он мне, когда мы доели его тосты и допили водку. — А вдруг я тебе понравлюсь...

— А если нет?

— Не попробуешь — не узнаешь...

— Перетопчешься, все вы одинаковы...

— Не скажи... Я веселый в постели. Ваньку валяю до полной отключки...

Он действительно отличался большими сексуальными возможностями не в пример бывшему супругу, но слишком восхищался собой, постоянно отмечая вслух свою неутомимость. В промежутках он успевал рассказывать анекдоты, курить, острить, с видом гурмана хвалить и мои жаркие достоинства. Но меня от него

«укачало», и я стала допускать его к себе не чаще чем раз в неделю.

Марат являлся с продуктами, оккупировал кухню, выпивал с алкашом дядей Ваней, угощал бабу Ксению и, обаяв всех, вносил в комнату поднос с неожиданными закусками. Он называл это «напи междусобойчички», больше пил, чем ел, но хвалил мой аппетит, заявляя, что только такие женщины полноценно работают в постели.

О своих делах говорил вскользь, но всегда оптимистично, презирая и друзей, и врагов, и казался мне бродячей собакой, мечтательницей о хозяйине с твердой рукой и командирским голосом. Он сумел войти в мою жизнь, являлся чаще всего в субботу, и мы валялись в постели до середины воскресенья. Он приносил мне завтрак, умолял, чтобы я не одевалась, все рассматривал «натюрель», курил и сыпал пеплом.

И однажды сказал:

— Слушай, такой телке грех тратить время на меня. Хочешь, я познакомлю тебя с мужиками, которые ничего не пожалеют за этот крул?! — И похлопал меня по бедру.

Я уже начинала привыкать к его заботе, ненавязчивой и легкой, и сначала восприняла такое предложение, как глупую шутку. Постепенно он все откровеннее рылся в моей сумочке, конфискуя часть денег за добываемые продукты.

— За приготовление — цени — я денег не беру...

— А за остальные услуги?

— Как румынский офицер, я радую дам бесплатно, но от сувениров не отказываюсь...

Мне было его жалко. Он постоянно был на вторых ролях, хотя видел себя премьером.

Он еще раз предложил познакомить меня с денежными мужиками.

— Тебе хочется стать моим сутенером? — спросила я.

Он облизнул тонкие влажные губы.

— Не кантуйся... Нам хорошо вместе, но тебе нужна достойная оправа, которую бедный журналист никогда не заработает...

— А кандидаты богаты?

— Крутые советские миллионеры...

— Знакомь, — сказала я, посмеиваясь.

Однажды он привел ко мне какого-то магометанина. Я так и не запомнила его полное имя: Юсуф ибн... Из Дагестана. Старый, бородатый и в папахе при европейском костюме...

Мы выпили, посидели, и Марат быстро увел первого кандидата, поняв, что номер не удался.

Вторым оказался Кооператор с прекрасными мускулами и туповатым лицом. Он был весь в «фирме», шевелил пудовыми плечами под роскошной курткой, кажется, с пуленепробиваемыми пластинками, не мог связать двух слов, и от него исходила опасность. Я кожей почувствовала эти колющие токи, а потому постаралась сверх меры выглядеть засушенной и унылой. Ссутулилась, затянула волосы в смешной шиш, надела очки с толстыми стеклами, которые у меня забыла мама, отчего чуть не

перебила все рюмки, потому что ни черта в них не видела, и еще начала занкаться...

Марат злился. Кооператор скучал, поигрывая плечами, а я «строила дурочку», пускавшую слюни при виде такого «героя». Я говорила с придыханием, что обожаю сильных мужчин, что готова лежать с таким в постели сорок восемь часов подряд, что хотя мною обычно мужчины не интересуются, но это их ошибка, ведь мне только сорок лет (я прибавила десять), я еще вполне ничего, хотя и болею часто радикулитом, гриппом и псориазом...

Кооператор все свирепее смотрел на Марата, а я злорадствовала, представляя их разговор на улице.

В третий раз Марат привел Карена, маленького седого армянина с короткой шкиперской бородкой, похожего на актера Жана Габена.

Он вел себя вежливо, уважительно, спросил о спектаклях, которые я видела, о выставках, поинтересовался, что я читала из новинок. И хотя он не разглядывал мою конуру, мне показалось, что он все обсчитал, как техник-смотритель.

А потом они ушли. Марат очень суетился, сгибался к нему, что-то спрашивал, как нетерпеливая девица, мечтающая быстрее потерять невинность. Но Карен даже не попросил мой телефон.

И, если честно, меня это разозлило.

Однако на другой день возле школы меня ждала черная «Волга». Карен был за рулем и пригласил посидеть в «маленьком кафе». Мы подъехали к валютному кафе на Садовом кольце, прошли к угловому столику возле окна, завешанному несколькими тюлевыми шторами, создававшими странный оптический эффект, когда теряется представление о времени...

Подбежал официант, похожий на рождественского ангелочка, накрыл столик, не задавая вопросов, разлил вино в узкие бокалы. Карен сказал мягким, чуть гортанным голосом:

— Вы меня устраиваете. Я выяснил, что вы здоровы, энергичны, честны...

— Оперативно.

— Нет времени на сантименты, дорогая. Итак, условия: я поселяю вас в однокомнатной квартирке в центре Москвы, обставленной по моему вкусу. И через год, если мы поладим, обменяю ее на вашу комнату...

В этом человеке было много того, что Алка называла «мущинским». Я посмотрела в его твердые холодные глаза, и сходство с Габеном растаяло. Ни доброты, ни сострадания они не выражали.

— В Москву я приезжаю дней на десять, раз в два-три месяца. Это время будете при мне секретарем, стенографисткой, машинисткой. Кстати, надо оформить вас в этой должности через профсоюз домашних секретарей и домработниц. Зарплату определим небольшую, чтобы не платить большой подоходный...

— Значит, я должна буду во время вашего пребывания в Москве еще и стирать, и убирать?..

— Обижаете... — металлически засмеялся мой будущий шеф

и любовник. — Вам придется освежить знания языков, получить автоправа, освоить компьютер...

— Я вам буду нужна только в качестве образцовой секретарши?

Он усмехнулся.

— За каждую специальность и работу вы будете получать разную зарплату...

Я пыталась понять профессию этого человека, воспитанного, даже образованного, но лишенного каких-либо профессиональных примет.

— Мы будем посещать приемы, премьеры, выставки, банкеты. Я уверен, вы меня не подведете.

Он оценивающе оглядел мое весьма поношенное одеяние.

— Женские тряпки будут вас радовать при каждом моем возвращении из-за границы, да и зарплату фиксированную я предлагаю в размере двух тысяч рублей в месяц. Потом прибавлю, если бриллиант поддается огранке...

Я молчала. Сцена эта казалась нереальной, точно спектакль одного актера.

— В моих делах нет уголовщины, но не советую вам в них вникать, для вашей же пользы. В Ереване у меня семья — это тоже табу для разговоров и вопросов. Понятно?

Официант подлетал к нам, менял бокалы, приносил на горячих тарелках вкуснейшие, хоть и непонятные закуски.

Мы молчали. Карен давал мне время все осмыслить. Тишина, уютный свет, маленький властный мужчина начинали постепенно завораживать меня. В конце концов женщины и в старину были содержанками своих мужей. Мои подруги имеют постоянных любовников при живых супругах и принимают от них любые подарки, обижаясь на тех, кто этого не делает...

— И еще я смогу класть на ваше имя доллары в любом банке Европы, который назовете. По сто долларов в месяц.

— Почему такая нищенская сумма? Путаны за одноразовый сеанс получают много больше...

Моя протестная ему понравилась, он дал мне закурить и сказал:

— Не будем мелочиться. Я хотел испытать вас. Триста долларов устроит? А за дополнительные услуги пойдет дополнительная плата...

Я опустила глаза, проиграла пальцами гамму на столе, подсчитав, что три тысячи шестьсот в год дадут мне нужную сумму для покупки за бугром хоть маленькой квартирки, в той же паршивой Австралии, не одалживаясь у папочки...

Карен достал коробочку и надел мне на палец кольцо. Крупный бриллиант в скромной оправе...

— Я бы не протестовал, если бы вы сейчас пригласили меня к себе...

Он пил много, но это почти на нем не сказывалось. Я сняла кольцо.

— Не люблю незаработанных вещей...

Он усмехнулся.

— Такой женщине я плачу авансом...

Теперь он смотрел на меня с откровенным желанием, стершим с его лица тонкий слой воспитанности.

— Неужели мое предложение вас не устраивает? Ну, хорошо, вашу комнату я обменяю на мою квартиру сразу, без испытательного срока. Вам не откажешь в здравомыслии. Вас пока только жалели, а теперь будут завидовать...

Он неглубоко понимал женщин, этот искустель. Опостылевшая комнатка, ненавистная работа, ничтожные мужики, скука, нудная, как зубная боль, день за днем, час за часом. И я кивнула, поднимаясь.

— А спать с вашими знакомыми тоже придется? — спросила я в машине.

— Экзизитно. За особую таксу. И очень высокую.

— Я брезглива...

— Посмотрим... — тон Карена был снисходителен, — может быть, вам придется радовать лишь меня одного.

Месяц спустя я уже жила на Плющихе в доме Совета Министров, в квартире, обставленной антиквариатом, с финским холодильником, японской стиральной машиной, с богатым набором дефицитных продуктов. Я принимала Карена в своей постели даже с удовольствием, потому что он был сверхмелким любовником, озабоченным, чтобы и я получала радость. Его сухое горячее тело пахло прекрасным мылом и одеколоном, и никакой брезгливости ни к себе, ни к нему я не испытывала.

АУКЦИОН

Карен страстно любил антиквариат и скупал его в частных домах и на аукционах. Он постепенно приучил меня разбираться в ценностях, цепко наблюдая, что мне понравится с первого взгляда. Карен считал, что у меня врожденный вкус, а потому сделал меня своим полномочным представителем... и дал чековую книжку, чтобы без него я не пропускала аукционы и отлавливала все, что считала подлинно редким.

Я разошлась с большинством старых знакомых. Мой новый образ жизни удивлял, настораживал, отпугивал. Прежде всего выразила возмущение мать, последнее время увлекшаяся политикой и ставшая доверенным лицом одного модного депутата. Мое равнодушие ко всем проблемам, волновавшим сограждан, доводило ее до иступления. Она багровела, задыхалась, теряла слова, и ее худощавое морщинистое, сохранившее девичьи очертания лицо становилось возмущенно-жалким. Теперь она больше следила за собой, чем при отце, делала прически а-ля Тэтчер, носила строгие костюмы с белой блузкой, чтобы не уронить престиж своего депутата.

— Кто тебе этот старик? — спросила она через несколько дней после моего переезда.

— Босс и любовник.

— Ты у него на содержании?!

— Ты пятнадцать лет была на содержании у отца.

— Я была женой...

— Но платим-то мы одним и тем же местом...

Она возмущенно оглянулась. Роскошь квартиры ее корбила.

— Стоило ради этого кончать университет?

— А чем ты лучше? Учиться в театральном и стать редактором в издательстве «Искусство»...

— Ты его хоть любишь?

Я рассмеялась, а она возмущенно ринулась к двери.

— Моей ноги здесь больше не будет. Захочешь повидаться — приходишь ко мне сама.

— Из какой это пьесы?

Мать хлопнула дверью. Со спины она выглядела, как девушка, и я подумала, что ей полезнее было бы устроить личную жизнь, чем играть в общественницу...

Алка забежала на минуту и застряла надолго, осмотрев и оцупав каждую вещь. Ее глазки поблескивали, она умирала от любопытства и жаждала откровенности, широкой, бабской, бес-толковой. Но я была закрыта на семь замков, и, опившись кофе, Алка удалилась, ступая так тяжело, точно я взгромодила на ее плечи бронетранспортер.

Даже мой бывший супруг явился похвастать своими литературными успехами. Его книгу уже перевели на 25 языков, и он жаждал продемонстрировать, какое сокровище я упустила.

Я была вежлива, радушна и холодна, точно меня вырезали из айсберга. Ни малейших чувств, ни воспоминаний он во мне не вызывал...

Нет, Карен определенно был интереснее всех. Он не выпендривался, не лгал, ничего не требовал от меня «сверх контракта». При каждом его приезде я получала ключи от черной «Волги», возила его по делам, стенографировала в переговорах с иностранцами, непринужденно щебетала в хаммеровском центре.

Кроме дел коммерческих и сложных, его интересовали украшения и фарфор, старое серебро и массивная бронза. Он честно объяснил, что в картинах ничего не понимает, как и в музыке. А хороший фарфор делал его счастливым. Горка, полукруглая, красного дерева, с бронзовыми накладками из гирлянд винограда, постепенно наполнялась разноцветным великолепием фигурок и чашек. Но я оставалась к ним равнодушной, хотя и приглядывалась, научившись отличать деколь от живописи и марки двадцатого века от восемнадцатого и девятнадцатого.

Как-то я сказала Карену, что эти вещи в моих глазах — подделки, что только мрамор и бронза — истинные произведения искусства.

Он усмехнулся, подняв тяжелые черные брови, и я заметила, что глаза его не темные, а светло-серые, точно тающие льдины.

— Весь мир собирает эти «подделки»...

— Это не резон...

— Да, деньги тебя еще не греют... Потому что их мало. Зато, если разбогатеешь, если сумеешь их сохранить, осознаешь себя не рабой, не служанкой, а хозяйкой жизни.

Драгоценности мне нравились, но лишь старинные, тончайшей работы. Ни золото, ни бриллианты в чистом виде меня не волновали, и Карена это удивляло, как удивляла и моя усталость после трех уроков в школе.

— Да, слабое ваше поколение,— любил он говорить,— без энергии, без заботы о завтрашнем дне... без честолюбия...

— А зачем мне думать о том, что будет завтра, если сегодня мне все противно...

— Это комплекс нищеты,— говорил Карен,— а разбогател — станешь доброй. Разве не приятно благодетельствовать человечество?!

— Хватит с меня филантропов! Мать постоянно возится со всякими общественниками, то на один фонд, то на другой собирает...

— Зачем? Лучше дать в метро интеллигентной старушке полсотни. Неожиданно, на радость и себе, и ей...

— Интеллигентная не возьмет...

— Голодная возьмет...

— Подачку?

— Сострадание.

Но постепенно увлечение антиквариатом стало и меня засасывать. Острая радость разгоралась в душе, когда удавалось купить то, что страстно хотелось. И удовлетворение это давало больше, чем близость с очередным мужчиной. Я полюбила бронзу и бисерные вышивки и начала экономить, чтобы сохранить деньги для покупок.

Посещение аукционов два раза в неделю наполняло мою тусклую, спокойную жизнь азартом, которого я раньше в себе не подозревала. На аукционах я обрела несколько знакомств, обернувшихся для меня потом и радостью, и горем.

ПЕРВОЕ НЕДОВОЛЬСТВО КАРЕНА

Оно совпало с приходом Ильзы и со щенком.

Девочка была моей единственной привязанностью в школе. С лицом японочки и фигуркой балерины, она в седьмом классе рассказала мне по секрету, что ее изнасиловали дома приятели отца-пьяницы, что мать ей не поддержка и жить совсем не хочется.

Я приютила ее на несколько недель, много говорила о том, что жизнь не кончена, что она еще увидит солнце и счастье. Постепенно девочка оттаяла, хотя с тех пор ее лицо стало старше и тверже.

Вернувшись домой, она начала широко пользоваться тем, что подарила ей природа, устроившись в суриковское училище натурщицей и получая по десять рублей за час. Кроме того, она работала секретарем-машинисткой у престарелого писателя, словесно развращавшего девочек, и дворником — утром до школы — за что получила от ДЭЗа право занимать подвальную комнатку, куда не пускала родителей.

В девятом классе ее пытались исключить из школы за «аморальность». Вернее, о ее образе жизни знали мало, но вызывающие туалеты и косметика бесили и одноклассниц, и учителей. Я убедила директрису, что этим мы окончательно сломим судьбу девочки, которая прекрасно училась и неплохо болтала по-английски.

Она приехала ко мне с цветами и рассказала, что имеет постоянных «друзей». Один — сорока двух лет, с квартирой, дачей и казенной машиной, крупный партийный босс. Второй — бармен, тридцати пяти лет. Он очень любил появляться с нею в ресторанах и всегда шел сзади, чтобы наблюдать, как оближаются мужики на его «телку». И третий — научный работник, которого она почти любит, хотя и устала от сложностей.

У меня вызывали уважение ее независимость и мужество. От «друзей» она принимала лишь подарки и развлечения, а не деньги, хотя, когда хотела дорогую тряпку, ей никто не отказывал, кроме ученого. Чаще он сам был на ее изживении, но она собиралась связать его с барменом, чтобы тот подкинул деньги этому недотепе за право фиктивно оформить журналистское кафе на его «чистую» фамилию.

Именно с Ильзой мы подобрали на улице у мальчишек издыхающего щенка. У него были парализованы задние ноги, он казался комком грязной шерсти, но от огромных детских коричневых глаз защемило мое сердце. Я купила его за десятку, взяла на руки и притащила в квартиру. Меня не интересовала его порода, но, когда мы его вымыли, он оказался белоснежным и лохматым, с огромной заросшей мордой и массивными передними лапами.

В разгар наших хлопот приехал Карен, окинул взглядом Ильзу и щенка и вызвал меня в кухню.

— Убери... — сказал он спокойно, — тебе нужна породистая собака, я привезу японского хина. К твоим туалетам подойдет...

— А мне этот нравится, — сообщила я без нажима, но твердо. Он пожевал губами.

— А девка тебе зачем? Передаешь опыт?!

Я вздрогнула: он впервые подчеркнул мое положение. Волна бешенства полыхнула на моем лице. Щеки загорелись, глаза заблестели, и Карен посмотрел на меня с откровенным призывом. У него в такие минуты дрожали ноздри и подрагивали брови, а обычно оливковое лицо розовело...

— Извинись! — Голос мой дрожал, и почему-то екнуло сердце.

— О, мадам, простите... — засмеялся он, но что-то изменилось в его взгляде. Только много месяцев спустя я поняла, что с этой минуты он отдалил меня от себя. Он был злопамятен и не прощал непокорности.

— Я повышу сумму в долларах за темперамент. Не ожидал, приятно... — Он облизнул губы, точно отпил особо крепкий и пряный напиток. — Красивой женщине капризы к лицу... Держи этого барбоса, только в мои приезды пристраивай где хочешь, хоть у этой девки...

— Почему она тебе не понравилась?

— Благотворительность до добра никого не доводила... А у нее уже нет сердца. Ее лепило слишком много рук...

Я оставила щенка и попросила Ильзу обязательно звонить мне перед приездом...

Она поняла и больше с Кареном не встречалась, а Тришку с восторгом увозила в свою подвальныйю комнату, когда босс извещал о своем появлении. И это помешало мне привязаться

к ценку. Я не умела никого делить, и в конце концов собака перешла в ее полную собственность. Я только совала ей деньги на прокорм, внушая себе, что лучше его совсем не видеть, чем от случая к случаю.

Зато мои знакомства с коллекционерами и даже дружбу с ними Карен всячески приветствовал, особенно с теми, кого он ценил за вкус и понимание вещей. Он учился у них на ходу, впитывая детали, о которых не прочтешь в книгах, и мимолетное обсуждение на аукционе отдельных предметов давало, по его мнению, больше, чем научная лекция специалиста.

МОИ НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Первой оказалась Лиза — высокая худошавая женщина, с седыми вьющимися волосами и всегда поджатыми губами, отчего круглый подбородок бросался в глаза раньше, чем ее небольшие и пронзительные глаза...

Она считалась известной коллекционершей бисера, не только образованной, но и умелой реставраторшей, вышивавшей не хуже старинных мастериц. Лиза отдавала этой страсти душу, но внешне никогда не теряла рассудительности и спокойствия. Она знала, сколько должна стоить любая вещь, не решалась на азартные увлечения, отчего и пропускала иногда настоящие шедевры.

216

Знакомство наше началось из-за медведя, вышитого мелким бисером на длинной узкой картине. Справа сидел султан с женой и курил чубук. Султанша смотрела в лорнет, а страж сзади них опирался на кривую саблю. Слева молодой человек во фраке командовал медведем, который играл на лютне, и все это — на фоне минаретов и пальм.

Простота и наивная поэтичность бисерного лубка тронули меня. Увидев, что желающих на эту картину нет, я подняла свой номер. Тогда подключилась и моя соседка. Я снова сыграла, и она со вздохом прекратила борьбу. Картина досталась мне за триста рублей, что было недорого по нынешним ценам.

Соседка, назвавшаяся Лизой, сказала:

— Вам повезло, я хотела ее купить, прелестная вещь...

Мне стало неловко, и я смущенно произнесла:

— Ну, если она вам так нравится, я уступлю ее, ведь для меня это случайный каприз.

Лиза высоко приподняла тонкие, изящные брови:

— Я не превышаю намеченного предела, я хотела купить ее только за двести пятьдесят...

На следующем аукционе мы снова встретились, поздоровались и сели рядом. И тогда я узнала, что у нее огромное количество бисерных работ, что она связана с Эрмитажем и пишет статьи об этом виде искусства.

— По профессии я математик, но бисер — мое давнее хобби и второе призвание.

Лиза была старше меня лет на пятнадцать, но выглядела молодо, одевалась с поразительным вкусом, в английском

стиле, и ее вязаные вещи были собственной работы. Сначала я думала, что она старая дева, но позже узнала, что она замужем за доктором физико-математических наук и что у них поздний ребенок, непероятно избалованный и инфантильный.

Как-то я пригласила ее к себе, и после этого визита она стала общаться со мной намного свободнее и теплее. Видимо, решила, что имеет дело с богатой дамой, но совершенно «темной» в вопросах антиквариата.

Лиза притягивала меня своими знаниями, и я терпела ее высокомерие, снобизм и откровенное делячество, когда она равнодушным тоном предлагала поменять ценную вещь на пустячок, сохраняя при этом непринужденно корректный вид.

Узнав о приходе Лизы, Карен одобрительно цокнул языком и пожурил, что я затянула с ответным визитом.

— Поучилась бы! Знаешь, сколько она заработала на своей коллекции?

— Она говорит, что ничего не продает...

— Так все говорят. Лиза — трезвая голова! Никогда не зарывается, и коллекция ее тянет сегодня на сотню тысяч...

Он как-то странно взглянул на меня:

— Сходила бы, поглядела, описала, у тебя цепкий глаз...

Я кивнула, опустив ресницы, и решила никогда не посещать Лизу. Просьба Карена мне не понравилась, насторожила, и я впервые пожалела, что вошла в определенные отношения с этим человеком...

В это же время я познакомилась с одной колоритной дамой, которую прозвали на аукционе «тетя Лошадь». Огромного роста, с грубым мужским голосом и холодными рыбьими глазами, она тем не менее могла быть обаятельной и своим цинизмом, и солдатской простотой, и детскими, как мне казалось, хитростями истинной коллекционерки... жульничавшей при любой покупке или продаже.

«Тетя Лошадь» тоже собирала бисерные изделия и довольно быстро установила, что и меня они заинтересовали. Карен ее знал, раскланивался, но нас не знакомил, пока однажды она сама не подошла ко мне.

— Новая курочка Каренчика?

Я посмотрела на нее с холодной любезностью.

— Одобряю. Умеет жить, стервец! Может, сбрызнем знакомство в ресторации, за мой счет?

— Спасибо,— благодарно ответила я,— но мне надо на уроки.

«Тетя Лошадь» вытянула нижнюю губу, точно собиралась засвистеть.

— Кто же ты, прелестная лань?!

Бас ее звучал с поразительной громкостью, и на нас стали оглядываться посетители аукциона.

— Учительница английского языка.

Она загрохотала. Смех ее звучал, точно стук града по железной крыше.

— Люблю смачный анекдот!

А вскоре Карен попросил меня не отказываться от этого знакомства «при случае».

— Дама трудная, с фанаберией, ее не приручить... — сказал он туманно, — но весьма знающая. Иногда по блажи продаст что-либо редкое, если ты ей покажешься... Хотя вряд ли... К ней столько народу тянется. — Он задел мое самолюбие, и я начала терпеливо выслушивать ее монологи, пока не дождалась приглашения в гости.

Первый визит меня даже растрогал. К моему появлению «тетя Лошадь» приготовила поджаренную по-ресторанному картошку со свежей зеленью, парной бифштекс с брусникой, грибы собственного засола. В ответ на мои похвалы она произнесла:

— Я все делаю не просто хорошо, а отлично. Это мой жизненный принцип...

И вещи ее окружали экстра-класса, начиная от бисерных вышивок и кончая старинной бронзовой кухонной утварью.

Выяснилось, что она давно знала Лизу, очень любила ее, преклонялась и страдала от ее высокомерия и пренебрежения.

— Умница, талант, все при ней и такому балбесу прислуживает.

— Кому?

— Да муженьку своему, он ее ногтя не стоит. Обыкновенный «скалозуб», вы согласны?!

Я поняла, что на этот язычок лучше не попадаться, и промолчала.

В последний момент «тетя Лошадь» предложила мне купить несколько бисерных вещичек, и я взяла их, не торгуясь. Цена была сумасшедшая, но Карен учил меня не торговаться вначале, чтобы завлечь клиента своей торовитостью...

Потом «тетя Лошадь» появилась у меня и с редкой бесцеремонностью осмотрела, перецупала каждый предмет интерьера и обстановки, точно была в лавке антиквара. Она мгновенно поставила меня в известность, что ей нравится, что она купила бы и за сколько...

Среди моих старых знакомых никто не вел себя так нагло, но в мире коллекционеров существовали другие критерии поведения.

Постепенно я стала посещать аукционы, как вернисажи, раскланиваясь и проявляя непринужденность знатока и завсегда-тая...

О некоторых посетителях Карен мне рассказывал. В первом ряду, в центре, всегда усаживался маленький человечек, похожий на старую макаку. Он не пользовался номером, а лишь помахивал ручкой, похожей на лапку обезьянки, и скупал фарфор на много тысяч рублей, особенно фигурки времен двадцатых — тридцатых годов — изображения красноармейцев, буденовцев, пограничников, доярок и свинок — вещи тяжелые, лишенные тонкости отделки.

Карен объяснил, что они пользуются огромным успехом у дипломатов и за них охотно дают валюту.

— Так этот Гоша — обычный перекупщик?!

— Перекупщик, но большого размаха...

— И как он не боится ракетиров? Он же таскает с собой каждый раз не меньше пятидесяти тысяч...

— Надо не жалеть денег и отдать при случае, сколько попросят. А для деятеля его масштаба 20—30 тысяч не сумма...

— А зачем он покупает обломки, детали?

— У него на содержании свои реставраторы. Таких профессионалов в Эрмитаже не осталось...

— Ты ему завидуешь?

Он засмеялся.

— Это его деланка, он застолбил раньше меня лет на пять. Но я уже наступаю ему на пятки... А главное, я переманил его лучшего реставратора...

— И вам не надоедают эти игры?

— Игры в деньги?!

Он редко улыбался, но теперь смотрел на меня, как на ясельного ползунка.

— А кто тот длинный грузин с седыми бровями, который всегда стоит сбоку и кричит: «Ап!» — когда его не замечает аукционист? В пальто нараспашку и нагло-веселый?!

— У тебя цепкий глаз, — сказал Карен задумчиво, — это и хорошо, и опасно. Надеюсь, ты ни с кем из этих людей не разговаривала? Тот грузин — он из мафии, но своих не трогает...

— А ты для него — свой?

Карен вздохнул, улыбнулся и посоветовал мне с месяц на аукцион не ходить, чтобы не «светиться»... Я потратила это время на выставки и книги по искусству, к которым раньше была абсолютно равнодушна. Мне не с кем было об этом говорить, и я обрадовалась, когда встретила на выставке «Частные коллекции» Марата.

Он был, как всегда, небрежно одет, но теперь это была дорогая небрежность. От него пахло спиртным, но не самогоном, и курил он модную трубку, а не «Беломор»...

Мы поздоровались, и мне на секунду взгрустнулось. Все-таки я начинала к нему привыкать, пока он меня не продал.

— Ты еще не испытываешь желания сменить наездника?!

Тон был дружески непринужденным, но я почувствовала неугасшую злобу.

— А у тебя есть новый кандидат?

— В Греции все есть... Слушай, без дураков, ты потрясно смотришься, прямо «мисс Антиквариат»...

Я насторожилась. Марат взял меня за плечи.

— Могу порекомендовать покупателей, если надумаешь толкнуть...

— Демократов или консерваторов?!

Он снисходительно усмехнулся, и я с трудом удержалась от восклицания: во рту у него появились прекрасные фарфоровые коронки, стоившие уйму бабок.

— Пусти в гости по старой памяти, авось пригожусь...

— Характер мужчины выясняется в его отношении к женщине...

— Это всего одна ипостась... И разве я тебя не осчастливил Каренчиком?! Может быть, и теперь помогу...

Я согласилась, не подозревая, на какие неприятности себя обрекаю, восстановив отношения с этим человеком...

Он начал посещать меня раз в неделю. Ненавязчиво, весело. Острил, рассказывал сплетни, отказывался от рюмки, и постепенно за его непринужденными вопросами я начала замечать определенную систему.

Его интересовало, кто бывал в этой квартире, с кем встречался Карен и что покупал. Но я уводила разговор в сторону, рассказывая о маминих увлечениях демократами, о «тете Лошади» с ее огненной симпатией ко мне, о Лизе. Он с трудом скрывал зевоту, но продолжал упорно ходить кругами вокруг меня.

Карен отнесся к его появлениям сдержанно, но спокойно. В этот свой приезд он был страшно занят, но однажды велел мне приготовить скромный ужин для пожилой женщины.

— Мне уйти? — спросила я.

— Нет, посидим вдвоем, я хочу окончательно приручить эту старушку, увидишь, игра стоит свеч...

Так я познакомилась с Таисьей Сергеевной, которая принесла злосчастные запонки, принадлежавшие императору Николаю II и подаренные ее отцу за реконструкцию порта в Таганроге.

— Представляешь, милочка, прямо так снял с руки и наградил простого инженера...

Старушка была более чем древняя. Хотя ей было за девяносто, передвигалась она бодро и решительно, напоминая засушенную, мумифицированную Дюймовочку-бабушку.

Запонки состояли из круга красной эмали, окруженной ободком из мелких бриллиантов, а четыре из них, значительно крупнее, почти в полкарата, делили эту сферу на сегменты. В центре, на зеленой эмали, лежал двуглавый орел, тоже из мелких бриллиантов, в платине. И лишь по краям запонки были золотые и переходили в золотые цепочки.

— А как доказать, что запонки императорские? — спросила я иронически.

Старушка всполошилась.

— Я вам рассказала все, как было, кроме того, тут можно разглядеть букву Н.

Хозяйка запонок занервничала, щечки ее покраснели, и она начала укладывать свое имущество в коробочку из коричневого сафьяна. Но Карен удержал ее руку.

— Никто не сомневается в ваших словах, уважаемая, договоренность остается в силе...

— В долларах? — жадно спросила старушка. — Понимаете, это для правнучки, она уезжает, и я хочу, чтоб она могла купить себе квартирку...

Моя мечта? Неужели все русские одинаковы и больше всего на Западе боятся оказаться без площади?!

Я покосилась на Карена; сохраняя невозмутимость, он положил на кухонный стол 3 000 долларов. Меня поразила цена этого красивого, но не очень функционального предмета. Кто сейчас из мужчин носит запонки!

— Я вас отвезу на машине, — сказал Карен, когда старушка запахнула в матерчатую, сшитую из кусочков хозяйственную

сумку свой кошелек.— Вы бы положили его в более укромное место...

Бабушка-Дюймовочка лихо тряхнула головой.

Они ушли, а я приложила запонки к ушам. Серьги, конечно, вышли бы фирмальные, но жить без них я могла совершенно спокойно... Я стала прикидывать, сколько у меня на счету. Карен показывал банковские бумаги после каждой поездки... Выходило, что в Лондоне у меня уже лежит десять тысяч семьсот долларов. Маловато, хотя это лучше, чем ничего!

Вернувшись, Карен долго разглядывал запонки, а потом сказал:

— Им цены нет... у русских монархистов. Не меньше ста тысяч потянут, а через год — втрое больше...

Я засмеялась, так как не относилась всерьез ни к одной партии... Мой скепсис охладил Карена, он спрятал запонки в коробочку, а ее положил в тайник секретера, где были две декоративные колонки. Если выдернуть бронзовую ромашку в одной, вынималась наружная часть и возникала глубокая ниша. Карен впервые это сделал при мне, я даже не подозревала о существовании тайника и расценила его поступок как высшую меру доверия...

МАМИНА КАРТИНА

А вскоре ко мне зашла мать с архитектурным тубом в руках, в котором студенты обычно носят чертежи.

Мать была взволнована и совершенно забыла, что обещала ко мне не приходить.

— Я хочу продать картину, — сказала она нервно. — Ты, наверное, знаешь любителей...

— А что случилось? Тебе очень нужны деньги?

— Я хочу пожертвовать их в Дом ребенка.

— Ни с того ни с сего?

— Совесть требует, прежде всего из-за тебя... Наверное, можно продать эту картину...

Я подняла брови. В доме родителей никаких картин не было.

— Это отцовская. Он принес ее много лет назад и забросил за шкаф. А когда переезжал, оставил мне на «черный день». Я вчера достала, развернула и... Есть в ней хоть какая-то ценность?

Она вытащила свернутую трубкой картину и придавила ее углы на столе моими книгами. Я наклонилась и тут же с удивлением выпрямилась.

На голубовато-зеленом фоне, на горбатом пригорке стоял нелепый изломанный двухэтажный домишко. Перед ним какая-то фигура в матросских штанах запустила в голубовато-зеленое небо воздушного змея и, закинув голову, следила за его полетом. Крутой склон горки обрывался у воды, сливавшейся с небом, на переднем плане рассыпался песок, вязкий и тяжелый, не приживавший ни травинки, ни кустика.

— Кто автор?

Мама пожалала плечами, зорко следя за моей реакцией.

— Подписи нет, вернее, затерта, но...

Тон был многозначителен.

— Уезжая, отец сказал, что это Шагал.

Мне стало смешно. Я знала страсть отца к розыгрышам. Мать, однако, всегда принимала его слова всерьез...

— И он оставил подлинного Шагала, когда женился на Элси?

— Он не мог его вывезти и потому подарил мне. Вчера я получила письмо, он пишет, что чувствует ответственность за меня, читая в газетах о трудностях в нашей стране...

— А ты атрибутировала эту картину?

— Нет, он пишет, чтоб я не совалась в музеи, а показала знатокам... И я подумала, что твой Карен, может быть, порекомендует покупателя.

— С твоими принципами прибегать к его помощи...

Мать покраснела.

— Но ему это будет полезно, я продам дешевле...

— А тебе известна стоимость этой картины?

— Отец говорил — тысяч пять...

Я хмыкнула. За подлинного Шагала?!

— Я была на днях в одном интернате для хронически больных детей. Ты бы видела условия их жизни! Я решила пойти туда поработать, а потом подумала, что на деньги от этой картины смогу купить им игрушки, книжки и одеяла. А то у них такие застиранные, в пятнах...

Мы молчали. Картина была необычна. В Измайлове на вернисаже за худшие просили больше.

— У тебя нет чего-нибудь постирать? — Мать была в своем репертуаре. Когда после стычек мы мирились, она таким образом «застирывала» свои несправедливости.

Мать возилась в моем шкафу, в ванне лилась вода, а я все вглядывалась в картину, отмечая новые и неожиданные детали и думая при этом, у кого отец, равнодушный к искусству, купил эту картину? А может быть, подарок пациента? Благодарность за чудо? Отец их немало совершал: руки у него были волшебными...

Для начала я решила позвонить «тете Лошади». Она знала реставраторов, художников, музейщиков, и у нее был очень верный глаз на подлинники...

СЛУХИ

Целый день мне пришлось ждать «тетю Лошадь». Она не умела считаться с другими. Особенно, если ей «не светила» конкретная выгода. По телефону я ничего не объяснила, просто предложила «поиграть в бирюльки». Ее выражение. Она обожала меняться, предлагая разные ненужные вещи за облюбованную, как правило, более ценную, о чем хозяева обычно не подозревали... Или терялись, оглушенные ее громовым голосом, многословием и воспеванием того предмета, который она старалась им всучить.

Пощебетав басом, тяжело опираясь на палку, она прошла в комнату, цепко оглядывая стены. Она всегда переживала, если у меня появлялась новая бисерная выпивка. Потом подошла

к столу и — выпрямилась во весь свой огромный рост. Я нарочно не убрала картину, оставив ее так, как расстелила мать. И хоть холст казался небольшим на овальном столе карельской березы, впечатление он произвел. «Тетя Лошадь», старавшаяся всегда скрыть свой интерес, застыла изваянием. И я поняла, что мои предчувствия верны. Неважно, кто был автором этой картины, главное — это подлинник работы большого художника.

— Почему? — спросила «тетя Лошадь», переводя дыхание.

— А сколько бы вы дали?

— Ну, я же небогатая женщина, у меня почти не бывает наличности, можно поменяться. Я бы дала вазу, которая вам нравилась, и бисерную вышивку.

Заметя ироническое выражение моего лица, она добавила:

— Любую со стены.

Итак, цена предложена вдвое меньше отцовской. Хороший признак...

— Но вы же не знаете, кто автор...

— Без разницы! — Она тряхнула стриженной седой головой. — Иду на риск. Мне нравится — и дело с концом, без проблем... Ладно, где наша не пропадала!

«Тетя Лошадь» полезла в огромную сумку, достала пачку сторублевок и кинула их размахистым жестом на стол. Веер получился красивым и впечатляющим.

— Тут ровно пять тысяч. Берите! Можно сказать, дарю, вы мне симпатичны. И хоть ценность этой штучки ниже, для хорошего человека не жалко.

Я покачала головой и стала собирать ее деньги в пачку.

— А откуда она у вас? — спросила «тетя Лошадь».

— Из этого туба, — придуривалась я, протягивая ей футляр. Она заглянула в него, потрясла, и на пол упали четыре деревяшки. Мы нагнулись одновременно, чуть не стукнувшись головами. Это были профилно выточенные узкие куски красного дерева, и она раньше меня сообразила, что деревяшки — рама от картины.

Навыков у старухи было больше, и она мгновенно приставила части друг к другу, соединила пазы, они глухо щелкнули, и перед нами оказалась складная разборная рама.

— Да, мозговитый мужик делал, — протянула «тетя Лошадь», потрясая изделием, — не наша работа, не современная.

— А что — сегодня нет хороших столяров?

— «Тяп-ляпов» — навал, а это делал умелец, ценивший чужую работу...

«Тетя Лошадь» больше не таилась, понимая, что сделка наскоком не удалась.

— Что вы собираетесь делать с этой вещью? Продать или в кубышку?

Я пожала плечами.

— Хотелось бы сориентироваться.

— Ясно. Помогу. Пришлю моего крестника, реставратора. Но чтобы был стол, выпивка — все чин-чином.

— Как это — крестника?

— Ну, я мальчишку подкормила, уговорила попробовать себя

в реставрации... Даже обещала сделать его наследником... — Она хихикнула. — Вот и реставрирует мне бесплатно. И по высшему рангу.

— Ему можно доверять?

— У него ключ от моей квартиры. Когда я в санатории, он цветы поливает. И знает, что у меня все на учете... Доверяй, но проверяй, моя прелесть...

Собравшись уходить, она вдруг заняла:

— Дали бы что-нибудь интересненькое... чтобы полировать кровь. Не зря же я к вам ездила, на такси тратилась...

Я подала ей кошелек из бисера. На одной стороне бегали две собаки, а на другой — стояла ваза с цветами. Этот крошечный мешочек был без замка. Я купила его не на аукционе, а у старушки Тансы Сергеевны, продавшей запонки Карену. Он меня послал к ней с каким-то свертком. Когда я его передавала, то заметила в передней на тумбочке этот кошелек. Старушка жаждала наградить меня и тут же всучила это изделие, взяв символическую плату в десять рублей.

«Тетя Лошадь» оживилась, подобрела и гордо вынула из сумки поломанную коробочку из крашеного дерева.

— Вам ответно, цените, это игольник... осталось склеить, пополировать...

— Да не нужен он мне...

— Не скажите, если отреставрировать...

— Все равно не нужно, а я не хочу иметь в доме необязательные вещи...

— Вы всерьез? Я же даром даю.

— Нет, не возьму.

Она начала рыться в сумке, по очереди предлагая мне кошелек для визиток из облезлой кожи со следами монограммы, флакон для духов с отбитым горлышком, бронзовую пуговицу с изображением птицы, летящей над морскими волнами.

Пуговицу я взяла, решив приколоть к пуховому берету, чтобы хоть ею индивидуализировать фирменный головной убор...

И мы расстались, довольные друг другом. Я — потому что узнала, что картина имеет немалую стоимость; «тетя Лошадь» — потому что надула меня, всучив мне за мой кошелек совершенно никому не нужную пуговицу.

Общая радость. Занавес.

ПОСЕТИТЕЛИ КАРТИНЫ

Раньше всех приехал реставратор Степа, очень высокий, с маленькой головкой и доброй улыбкой. Лицо его казалось бабским, старушечьим, но я слышала, что он — мастер своего дела. Он показался мне знакомым, но я не сразу врубилась. Мало ли видела людей в последнее время, а Степа вел себя так, точно мы никогда не встречались.

Он оглядел картину, странно хмыкнул, обошел вокруг.

— Шагал. Процентом на восемьдесят. Хотя подпись нетипична. Надо бы почистить... Лучше всего спектральный анализ, но муторно, дорого, да и слухи для вас нежелательны...

Интонация была полуутвердительная, полувопросительная. Потом он прошел в кухню, оглядел нарядно украшенный, богатый стол.

— Зря. Моя такса — столярник.

И тут я вспомнила, когда и где слышала уже от него эти слова насчет таксы.

Но я не подавала вида, протянула свернутую бумажку, он небрежно сунул ее в карман куртки и лишь на пороге оглянулся.

— Зря впутали «тетю Лошадь». Растрезвонит громче ростовских колоколов.

Он совсем не постарел за пять лет, а видела я его в компании Люды, единственной учительницы, с которой сблизилась в школе. Она была математиком, женой известного профессора.

Люда казалась утонченно красивой. Высокая, тонкая, с глубокими жилками на висках и огромными прозрачными глазами, она напоминала акварель, нарисованную на слоновой кости.

В мужской компании она преображалась. В глазах появлялась истома, а губы вспухали во время самого невинного разговора. Вскоре она рассказала, что постоянно изменяет мужу.

— Он слабак в постели?

— Наоборот, он — мастер, но насколько его еще хватит — на пять, десять лет? Да и потом, я люблю разнообразие. Неужели тебя не волнует групповуха?

— Не особенно.

— Или секс с одним мужчиной и с подругой?

— Вряд ли, я — собственница...

— Счастливая, а я вот не могу по видюшнику смотреть разные порно и не пробовать...

Вскоре она пригласила меня посидеть вечером с ее друзьями-реставраторами, заверив, что они вполне интеллигентны, любят хохмить, дурачиться. Я согласилась, поскольку с Гришей уже все шло наперекосяк.

Люда отвезла меня на своей машине в маленькую квартиру на юго-западе, заставленную полками с фарфором. Меня восхитили и красочность и причудливость форм, и это очень порадовало хозяина Степу. К моему удивлению, Люда предназначила его для меня, а сама ворковала с его другом, похожим на сморчка и на чеховского дядька одновременно. Тотца бороденка, сальные белесые волосы, очки в проволочной оправе. Да и ростом он доходил ей до плеча, в отличие от долговязого Степы.

Посидели, выпили, попели, потом Степа ушел на кухню, а меня Люда попросила сыграть что-нибудь мелодичное. Я села к пианино и начала наигрывать мелодию блоковской «Девушка пела в церковном хоре...».

Услышав характерные звуки, я обернулась и увидела Люду и Хорьку, предававшихся любви под мою музыку.

Я выскочила к Степе на кухню, разозленная идиотским положением, в которое попала. Он ласково улыбнулся, потом предложил полежать в соседней комнате на тахте...

— Это плата за ужин?

— Ты же знала, зачем шла...

— Значит, паршивый ужин с водкой — моя такса?

— А крабы и красная икра?!

Я рассмеялась и подергала его за нос.

— Пусти, больно... — прогнусавил хозяин квартиры.

— Я стою не меньше столбняка, дорогой! — Я выскочила из квартиры, втайне надеясь, что Люда бросится за мной. Однако никто меня не остановил, и я двинулась по незнакомому району, мысленно называя себя авантюристкой...

...Через неделю после посещения Степы-реставратора ко мне явился Марат. Он осмотрел картину и сказал:

— Десять кусков, и ты забудешь о ее существовании.

— Демократы теперь столько зарабатывают?

Его длинный нос дернулся, точно я его ущипнула.

— Сначала я покажу картину Карену...

— Не играй с огнем, рыжая!

— Ты мне угрожаешь?

Я пошла на него грудью, прижала к стенке и дернула за ухо. Он нахмурился.

— Пусти, больно!

— Подумаешь, большая ценность, какая-то картина!

Марат покрутил пальцем у виска, а вечером явился с Кооператором. Я не посмотрела в глазок и впустила их без опаски, но тут же засунула руку в куртку и сжала в пальцах баллончик со слезоточивым газом. Верзила в этот раз не казался сонным и оглядел меня довольно нахально.

— Сестренка больше не чихает и не икает?

Кооператор ходил по квартире, точно пума по клетке, приглядываясь и принюхиваясь ко всему, что стояло в горке и висело на стенах.

Марат неприступно облокотился на секретер, поигрывая по нему пальцами, его маленькие глазки искрились злорадством.

— Я вас не приглашала, — сказала я звенящим от злости голосом. — Что вы тут вынюхиваете?

Кооператор посмотрел на Марата.

— Люблю диких кошек!

Я вытянула по направлению к ним руку с баллончиком.

Они дернулись одновременно, и Кооператор произнес бесцветным голосом:

— Мне пужна картина.

— Я же не отказываю, только хочу показать Карену...

— Дам двадцать кусков. Даже двадцать пять, и покончим дело миром.

На секунду мелькнуло довольное лицо матери, потом я подумала, что освобожусь от Карена... что картина может быть неплохим подспорьем, если я надумаю уехать за бугор...

— Меня интересует конвертируемая валюта, — сказала я небрежно.

Марат и Кооператор переглянулись, пошептались.

— А сколько ты хочешь?

Кажется, Марат был не очень высокого мнения о моих ум-

ственных способностях. Или не верил, что я подковалась в вопросах искусства.

— Сколько стоил Шагал на аукционе Сотби? Не читали?

Они опять переглянулись, и Кооператор засмеялся. Звук был отвратительный, точно жестянка ударяла о жестянку, а глаза посветлели от прилива непонятного мне чувства.

Они ушли, прервав разговор и обходя меня, будто я была стулом с острыми углами.

Перед приездом Карена ко мне забежала Алка, кругленькая моя подружка с черными кудряшками...

— Слушай, говорят, у тебя клевая картина? — начала она с порога. — Мой шеф заржал и забил копытом. Он коллекционер живописи 20-х годов и о Шагале даже не мечтал. Он заплатит тебе больше всех, поверь, у него бабок — стены можно оклеивать...

— Уймись, может быть, я не буду продавать картину.

— Дура! — Тон ее был категоричен. — Зачем тебе неприятности? Ведь к ней надо охрану нанимать или в музей сдать под расписку...

— Ну что вы все прицепились! — взорвалась я. — Картина моя, что хочу, то и делаю. Вот возьму и в Фонд мира пожертвую...

Мы посмеялись, потом Алка рассказала об очередном своем приключении и под конец произнесла умные слова, только я к ним тогда не прислушалась:

— Никогда не надо иметь вещей, за которыми охотятся другие! Ни одна вещь не стоит человеческой жизни, даже просто спокойствия, и я бы поспешила избавиться от этой картины, как от ядовитой змеи.

— Кинжал брамина?

Она меня поняла. В детстве мы зачитывались «Маугли», и нас поразила кинжал, который нашел Маугли в сокровищнице раджей. Он нес смерть всем, кто на него покушался...

Мне стало неуютно, по спине пробежали мурашки. Но все-таки я разрешила приехать и Лизе, хотя знала о ее завистливости. Высокая изящная Лиза приехала в вязаном жакете своей работы, настолько великолепном, что я облизнулась.

Я спросила, от кого она слышала о картине.

— От многих... По Москве пошли шорохи и стуки...

Потом Лиза осмотрела картину и сказала, что это не Шагал, а Филонов, но хорошего периода и редкой сохранности. Лицо ее прояснилось. Филонов был известен, но по ценности стоял неизмеримо ниже Шагала. На радостях она предложила поменять свой жакет на серебряные серьги в моих ушах. Они были из пуговиц XVIII века, а я не питала особенного пиетета к подлинности времени. Жакет мне шел больше, чем ей, и мы расстались, вполне довольные друг другом.

СКАНДАЛ С КАРЕНОМ

Приехавший из-за границы Карен пришел в ярость.

Нет, он не ругался, даже разрешил мне выбрать подарок из

привезенных для семьи тряпок. И я взяла кожаную куртку из темно-зеленой с позолотой кожи, гофрированную и переливающуюся, как змея.

Карен выслушал мой рассказ о маминной картине, спросил, кто ее видел, что предлагал, и закурил трубку. Обычно он курил в определенное время, и это нарушение режима меня удивило.

— А подождать меня ты не могла? Ведь твоя мать именно мне поручала ее продать...

— Я и ждала, никому не продала...

— Но всем демонстрировала... Очень умно...

Он лихорадочно курил, сбрасывая пепел на ковер, чего вообще никогда себе не позволял.

— Ну в конце концов что для тебя даже сто тысяч? Их хочет заплатить профессор...

— Сто тысяч — ничто, пустяк, дым, а полмиллиона долларов?!

Я села.

— Но ее же нельзя вывозить... — пролепетала я.

Карен посмотрел на меня с отвращением.

— Теперь — почти невозможно. С твоим языком. Нет, даже самая умная женщина — идиотка.

Он встал, подошел к секретеру, вынул бронзовую ромашку, полез в тайник и достал коробочку с запонками. Потом открыл ее. Коробочка была пуста.

— Я так и знал, ты была слишком идеальна. Но приманка сработала, тебе нельзя доверять, как и всем остальным.

Я молчала, слишком ошеломленная, чтобы сказать хоть слово.

Неужели он всерьез мог меня подозревать? Или это глупая шутка? Маленький мужчина с седой головой и черными бровями не выглядел привычно снисходительным, воспитанным и ласковым. Что-то проступило затаенно первобытное, дикое, он точно приготовился к прыжку.

Сцена показалась мне бредовой. Я понятия не имела, куда делись его запонки. Они меня не интересовали, как и многие купленные им украшения. Я была к ним равнодушна.

Карен подошел, наклонился, сжал мои запястья, чем привел меня в негодование. Я близко увидела его тщательно выбритое холеное лицо, небольшие светлые глаза под черными бровями потемнели, взгляд давил... Я никогда не думала, что вещи имеют над ним такую власть. Я полагала, что он покупает антиквариат из страха потерять деньги и ради любви к искусству, что драгоценностями он откупается от придирчивости жены и настойчивости дочерей, сующих нос в мужские дела... Но если это не так, то кто же он?

— Кого ты принимала в квартире, дрянь?

Я улыбнулась. Криком меня нельзя было испугать.

— Маму.

Он все еще не отпускал меня.

— Еще кого, быстрее, без фокусов, пока я не вызвал парней!

Я внимательно всматривалась в молодое лицо, с которого слетела маска. Мой содержатель был теперь обычным рыночным армянином, развязным и жестоким, презиравшим всех...

— Ну, а если я взяла твои запонки?!

Он опустил мои руки и выпрямился.

— Тогда отдай немедленно и можешь убираться...

Я засмеялась.

— Скорее будет наоборот. Это моя квартира, и наглые гости мне наскучили.

Он сел в кресло, потер лицо.

— Извини, но шутка неудачная. Где запонки?

— А ты их выкупи!

И это он принял всерьез.

— Сколько?

— Двадцать процентов от их стоимости.

Он небрежно бросил на стол две пачки сторублевок. Он не усомнился в моих словах, значит, с самого начала относился ко мне, как к продажной девке, посмеиваясь втайне над моими попытками сохранять достоинство.

— Дай запонки,— сказал Карен бесцветным голосом, вновь превратившись в жизнерадостного мужчину, умевшего дарить радость в постели даже такой ироничной женщине, как я. Но теперь он уже не мог меня обмануть.

— Я пошутила. Запонки исчезли без моего участия. Даю слово. Надо вызвать милицию, снять отпечатки пальцев...

— Никакой милиции, идиотка.

Он опустил глаза и задумался, а я стала вспоминать всех, кто приходил в дом за последнее время. К сожалению, я стала неосторожной, пускала многих, но я хорошо знала тех, кто приходил. Разве что Кооператор... Но он ни до чего не дотрагивался. Марат?! Точно сигнал тревоги зазвенел в моей голове. А не он ли «сосватал» этого секретера Карену?..

— У кого ты купил секретер? — спросила я, и Карен непонимающе посмотрел в мою сторону.

— У той, что продала запонки. Я ее знаю несколько лет.

— А кто тебя с ней познакомил?

Он задумался.

— Кажется, Марат... Ты часто пускала в дом этого подонка?

— Пару раз забегал. В каких он отношениях с бабусей?

— Говорил, сводная то ли бабка, то ли тетка.

— Вместе ты их видел?

— Он меня к ней возил, она все приглядывала, чтобы он что-либо не спер, рассказывала позже, что ловила его не раз на таких штучках...

— А где она живет?

— Тебя это не касается.

Но я вспомнила, что когда-то Марат рассказывал о своей «сводной бабке» — сторожихе в палеонтологическом музее.

— Она при музее расквартирована?

— Допустим. Значит, ты в курсе?

— Чего?

— Дел этой особы...

Я старалась выглядеть не очень удивленной, потому и кивнула с независимым видом.

— Ты забыл, что сам меня к ней посылал.

- На машине.
- Но я запомнила адрес...
- Опасная память.

Карен подошел ко мне и снова крепко взял за запястья.

— Поклянись, что ты не имела к этим запонкам никакого отношения.

— Неужели мало моего слова?

— Ты была слишком идеальной, лучшей из всех, кого я имел... Но русская женщина врет, как радио, даже когда ей это совершенно невыгодно...

Он еще немного потоптался в комнате, потом ушел, бросив все свои тряпки, «дипломат» и чемодан. Казалось, его преследовала какая-то острая и напряженная мысль.

А я стала ходить по комнате, тупо глядя на пол. И вдруг в глубине под поставком что-то блеснуло. Я нагнулась — они. Проклятые запонки. Только почему они валялись тут? И кто это сделал? Второпях, на бегу, или так было задумано? А если бы комнату подметал рассеянный человек?

Я стала искать, куда бы их временно положить, чтобы не начинать всю мороку с тайником, и заметила пустую вазу на книжном шкафу, поставленную высоко, как полагалось в классическом павловском интерьере. Она была в форме ладьи, из патинированной бронзы на мраморном основании. Я встала на цыпочки и, сдвинув крышку, опустила туда запонки, а потом подумала, что придется переехать к матери, пока Карен не вывезет из квартиры свои вещи. Я не собиралась жить с человеком, который меня назвал «идiotкой».

Все дни, что я жила у матери, мы ругались. Она с азартом говорила о моей аполитичности, обывательстве, растленности.

Несколько часов я терпела, потом спросила:

— А ты умеешь бороться с хамами? Да, да, с теми, кто называл тебя жидовкой, кто не дал тебе заняться научной работой, кто унижал твое человеческое достоинство, приказывая писать кандидатские диссертации для невежественных директоров театров?!

— Я их презираю...

— А я не могу быть жертвой, овцой, рабой. Эти ублюдки понимают лишь язык силы или денег. И Карен дал мне чувство независимости, понимаешь?! Раньше я смотрела на зажавшегося родителя моего ученика, номенклатурного борова, и мечтала стать ведьмой, чтобы его треснул по башке кирпич с крыши. Чтобы обхамившего меня официанта избили рэкетеры. Чтобы шпаненок, который куражился на улице над девчонкой, подавился пельменем.

— Неужели ты такая мстительная... — Мать была растерянна.

— А теперь я появляюсь в таких шмотках, что передо мной в струнку вытягиваются. И деньги могу небрежно швырнуть. А много их у меня было при учительской зарплате?..

— И все-таки твой способ зарабатывать на жизнь...

— Ты живешь, чтобы работать, а я работаю, чтобы жить. Да, да, и уверяю тебя, что быть секретаршей такой квалификации,

как требует Карен, совсем нелегко. Да и в постели нельзя быть коровой...

— И это моя дочь! Но нельзя же думать только о себе... — Мать смотрела на меня так беспомощно, что я опустила глаза. — Сейчас столько возможностей, чтобы исправить положение, ввести во все структуры власти демократов.

— Кстати, а Марат тоже распинается за твоего кандидата?

Я вспомнила, как он говорил, что поставил на «темную лошадку», парня из рабочей среды, бригадира, который еще станет современным Валенсой. Мать тоже восхищалась этим «самородком».

— Марат — очень энергичный и полезный оратор, он легко находит язык с любой аудиторией, даже возглавил неофициальную пресс-группу...

Ну, о чем можно было говорить с этой женщиной?!

Я стала отмалчиваться, листала фотографии, даже те страницы семейного альбома, где виднелись пожелтевшие портреты моей прабабки и прадеда по отцу, незаконнорожденного сына какого-то польского магната и экономки, женившегося на сельской учительнице, которая закончила училище благородных девиц, знала три языка и пошла «в народ» по идейным соображениям. Я искала корни, пыталась понять генетические завихрения в нашей семье и невольно восхищалась тем, что моя мать, внучка еврейского богатого купца, сахарозаводчика, сохраняла поразительную инфантильность и веру в жизнь...

УБИЙСТВО

Несколько дней я пробыла у матери, удивляясь, что Карен мне так и не позвонил. Потеряв терпение, я поехала на аукцион в надежде встретить там Карена. Он их никогда не пропускал, попадая в Москву.

Но и там его не было, зато в первом ряду сидел с самодовольным видом Марат. Он часто поднимал номер, сбегая и дешевый фарфор, и шпигатровые изделия, и карманные часы.

Я села сзади, наблюдая за его метаморфозой и подсчитывая траты. Обычно в его кармане даже сотня была редкостью, а за несколько часов он отстегнул не менее семи тысяч. Волосы у несостоявшегося моего сутенера поредели, кожа на затылке стала морщинистой, и вид, несмотря на явное материальное преуспеяние, был очень потертый.

Я шепотом окликнула его. Он обернулся и подскочил, точно я его ужалила.

— Зачем покупать такую дрянь? — Голос мой был светски вежлив. — Или ты стал работать по снабжению нуворишей?

Марат побагровел и посмотрел куда-то в сторону. Я повернула голову и заметила пробиравшегося сквозь толпу могучего Кооператора. Этот представитель мужского пола вобрал голову в плечи, стараясь казаться меньше ростом и не так выделяться.

Кто-то тяжело положил мне руку на плечо. Оглянулась — «тетя Лошадь». Я как-то забыла о ней в последние дни, но она заговорщически мне улыбнулась:

— Купила собаку? Ты сбила мне игру.

Оказывается, я сидела на аукционе, не вслушиваясь в объявляемые вещи, а недавно проиграла бисерную картинку с собакой. «Тетя Лошадь» рассчитывала купить по стартовой цене, но кто-то вмешался в игру, и она погребенная на меня, благо мои рыжие волосы пламенели, как флаг.

— Я не играла...

— А зачем пришла? Нашла покупателя на своего Шагала?

Мне не хотелось с ней беседовать, я знала страсть этой женщины к сплетням, и передавала она обычно скверные новости. Ссорить друзей было для нее такой же радостью, как и выпрашивать вещи подешевле, торгуясь с энергией цыгана, всучившего бракованного коня на ярмарке...

— Слышала я о каких-то чудо-запонках у твоего Карена. Нельзя ли на них взглянуть?

Я сделала непонимающее лицо.

— А я тут влипла в странную историю. Пошла недавно с подругой в ресторан, выпили мы хорошо, и понравился мне скрипач из оркестра. Я послала ему бутылку водки, и он подошел к нашему столику. Молодой парень, лет тридцати. Сначала он играл мне, а потом я трянула стариной и запела, я ведь в молодости имела недурственный голос... Потом он подсел, стал мне руку целовать, такую лапищу, стихи читал по-английски. Ну я и размякла, сказала, что живу одна, и дала телефон. Он мне начал звонить по три раза на дню, в любви и симпатии объяснялся, представляешь?!

Я украдкой посмотрела на часы.

— Что мне теперь делать? Вдруг парень — рэкетир? Или охотник за богатыми старухами? Или некрофил?

— Очень просто. В следующий раз скажите, что ваш сын возмущен его звонками, а внуки смеются и хотят набить ему морду за то, что пристает к бабушке...

— Думаешь, отвяжется? А если я всерьез ему понравлюсь?

— Он понял из беседы, что вы собираете антиквариат?

«Тетя Лошадь» шумно вздохнула.

— А хрен его знает, я когда выпью — несу что Бог на душу положит. Но украшения на мне были дорогие.

— Бриллианты?

— Нет, флорентийская мозаика.

— Ну, вряд ли у него такое серьезное образование в области ювелирного искусства.

— Не скажи. Когда я рассказала ему о запонках Карена, даже пообещал брошку в таком же стиле...

Я вздрогнула.

— А что вы о них знаете?

Она хитровато улыбнулась.

— О них — ничего, а с Таисией Сергеевной дружу лет пятнадцать...

— Зачем надо было говорить о запонках незнакомому человеку?

— Он сказал, что все может достать, вот я и попросила подобные, из хорошего дома...

Я совсем забыла о ее жадности. А ведь раньше меня трогало в ней алчное желание встретить чудо за бесценок.

Я посмотрела на часы. Карен так и не появился, и жгучее беспокойство погнало меня домой.

Прежде всего я обратила внимание, что газеты не вынимались из ящика с того дня, как я ушла, а поднявшись к себе, с удивлением обнаружила, что дверь в квартиру не заперта.

Я прошла в комнату с какой-то опаской. Наверное, подсознательно я подозревала несчастье, потому что, увидев лежащего на боку Карена, не вскрикнула, не бросилась к нему, а посмотрела на стол.

Картина исчезла.

Потом я нагнулась над Кареном. Он был убит чем-то тяжелым, ему разmozжили затылок, а перед этим связали руки и ноги.

Странно, но при виде трупа я не испытала ужаса. Это был не Карен, умевший возбуждать и радовать меня в постели, а какой-то муляж. Окостеневший, сломанный, с темными пятнами на связанных кистях. Они выглядели, как ожоги, как будто к ним прижимали сигареты, а на полуобнаженном волосатом животе виднелся багровый след, похожий на след от утюга.

Раньше я не очень верила, читая о рэкетирах и пытках, но теперь вдруг поняла, что Карена сначала пытали, а потом убили.

Сколько же дней меня не было? Кажется, четыре. Неужели за это время никто не побывал в квартире?

На цыпочках я обошла комнату, прикидывая, что пропало, кроме картины. Фарфор был на месте, как и мои украшения. Я дотянулась рукой до вазочки-ладьи на книжном шкафу. Запонки лежали там. Потом я обратила внимание, что тайник в секретере открыт, но я в него не заглянула. Положила запонки в сумку и ушла, стараясь ни до чего не дотрагиваться, хотя мои отпечатки могли оказаться где угодно — это же была моя квартира.

На улице я перевела дух, оглянулась и пошла к автомату. Я позвонила в милицию, сообщила о трупе и быстро повесила трубку. Я не хотела встречаться с милицией. Я им не верила, да и мое отсутствие в квартире могло вызвать ненужные расспросы. А мне надо было все обдумать, понять, зачем убили Карена. И кто позарился на Шагала?

Светило солнце, я шла выпрямившись и никого не замечала, пока не налетела на Алку.

Подружка поглядела мне в лицо и потащила в кафе, где заказала по двести граммов коньяка. Она ни о чем не расспрашивала, и я сама ей сказала:

— Карен убит, а Шагал пропал.

Она несколько секунд смотрела на меня, потом закурила.

— А что говорит милиция?

— Не знаю. Я их не видела, я вызвала их потом, когда ушла из квартиры...

— А как они туда попадут?

— Я не закрыла дверь.

— Ну, сильно... А если обчистят?

— Теперь наплевать...

— Ну, сильно... Его при тебе убили?

— Я не жила там дня три, перебралась к матери, мы с ним крупно поругались...

— Интересно, прямо как в романе, — сказала Алка жизнерадостно, но я видела, что она мучительно соображает, насколько это может оказаться для нее важным.

— Квартиру он на тебя хоть перевел?

— Да. Я там прописана. Уже два года.

Мы помолчали.

— Хорошо, что ты не бросила работу. В случае чего — не тунейдка, а личная жизнь никого не касается... Ты же совершеннолетняя, самостоятельная женщина.

Она точно подслушала мои мысли. Только я не представляла, как вернусь домой, как смогу жить в квартире, где лежал труп Карена. Холодная ярость начинала заполнять мою душу. Я хотела знать, кто это сделал, я хотела посмотреть в глаза тем подонкам и поэтому решила ничего не рассказывать в милиции. Пусть они сами разберутся в ситуации, ищут преступников, карают по закону или оправдывают, мне с ними не по дороге.

— Приютишь? — спросила я Алку.

Та кивнула без лишних слов.

— Только тебе придется уходить часа на два в день, когда будет приходить мой профессор, он девушка пугливая.

Я усмехнулась.

— Понимаешь, я не могла ему отказать, он твердо обещал после ординатуры взять меня на кафедру, а иначе мне из консультации никогда не выбраться... Бабки плывут, но нет мне от них радости, точно солому жую, когда мозги не включены...

Мы поднялись, и Алка спросила шепотом:

— Ты деньги отложила?

— Маловато.

— Но на мебель и антиквариат никто, кроме тебя, прав не имеет?

— Не знаю.

— Вы же не расписаны, все тебе и останется...

— Но у него есть дети.

— А твое какое дело? Они обеспечены папочкой наверняка до макушек.

— А если меня спросят, на какие шиши все куплено?

— На папины, ты меня поняла? А ему в Австралии плевать на все запросы...

Она была единственным человеком, который верил мне безоговорочно. Но посещения профессора меняли мой план. И я сказала, что загляну к ней попозже, а сама пошла на вокзал и уехала электричкой на дачу к другу отца, старому врачу, с которым они вместе воевали. Там меня никто не мог найти. Ни милиция, ни мафия. Об этом домике не знал ни мой бывший муж, ни Марат, даже мать здесь не бывала, зая-

вив, что Дмитрий Моисеевич предатель, раз при разводе принял сторону отца.

Я полезла в сумку, посчитала деньги. Десять рублей — не густо. У меня было два свободных дня в школе. Вполне достаточно, чтобы все здраво обдумать и либо выжечь из памяти Карена и его секреты, либо разобраться в них.

ЛЮБОВНИК — ПУНКТИРОМ

Я очень долго считала Карена «экономической шишкой». Его частые и свободные поездки за бугор, его интеллигентность, щедрость. Первая ошибка. Деятели такого масштаба никогда не бывали щедры.

А его откровенное желание подsunуть меня некоторым иностранцам? Я тогда решила, что он — из КГБ. Множество «путан» отрабатывали таким образом право накопления капитала в свободно конвертируемой валюте...

Карен тоже клал за границей доллары на мое имя, я видела этот счет... И тут меня как огнем опалило. У меня же не осталось никаких документов, даже названия банка в Лондоне толком не запомнила, идиотка клиническая. Там должно было лежать свыше десяти тысяч долларов. Значит, я погорела. Почти три года «работы» секретаршей-содержанкой коту под хвост. А ведь с моим знанием английского и с помощью Карена я могла бы давно заработать эти деньги без особых хлопот.

236

И тут неожиданно я вспомнила о Федьке, моем любовнике, отношении с которым тянулись много лет в промежутке между его многочисленными женитьбами.

Познакомились мы, когда мне было восемнадцать; я начала учиться в университете, а он числился аспирантом. И хотя ему было только двадцать три года, он уже сильно полысел, отчего лоб казался огромным, как у Вождя всех народов. Но это оскудение Федька компенсировал роскошной пышной черной бородой Карабаса-Барабаса и казацкими висячими усами, отчего напоминал терьера редкой породы. Еще у Федьки круглые коричневые глаза, ласковые, проникновенные, и очень яркие губы, как у вампира. Он пригласил меня в гости, в аспирантское общежитие, встал на колени, целовал руки, даже всплакнул, и я стала его любовницей, почти не заметив, как это произошло. Он так умел обволакивать словами, ласками, напором!

Встречались мы месяца два, а потом он вдруг сообщил, что женится на своей невесте, о существовании которой я даже не подозревала.

Скандала я не устроила, только тихонько сказала:

— Все равно ко мне вернешься, когда она выгонит...

Фраза оказалась пророческой.

Первая жена Федьки была шизофреничкой, вела долгие переговоры с космическими пришельцами и по их приказу попыталась задушить мужа во сне...

Федька появился у меня такой помятый, что мне стало его жалко. Он поселился на снятой даче, и я несколько раз приезжала поднимать ему настроение. Потом выяснилось, что он сошел-

ся с дачной хозяйкой, которая была старше его на двадцать лет, и даже зарегистрировал брак. Я снова оказалась за бортом его жизни и думала — навсегда.

Но и тут Федьке не повезло. У жены оказался рак желудка, она тяжело умирала на его руках, и он повел себя очень человечно. После ее смерти он вновь стал обхаживать рыжую идиотку, то есть меня. На этот раз ему пришлось почти полгода доказывать свои чувства, он даже покушался на самоубийство. Опять были слезы, целование рук, он беседовал со мной, только стоя на коленях. Мне стало его жалко, ведь за эти годы он превратился почти в родственника, и я снова уступила.

Дачу он обменял на двухкомнатную квартиру, и нам было удобно встречаться. Но тут я почувствовала, что с таким нытиком жить вместе невозможно. Меня хватало только на два дня, а потом я швыряла в него книги.

В одну из моих отлучек он встретил в метро кроткое создание с голубыми глазами, которые оно потупляло с невинностью пантеры. Пепельные волосы, маленький рост — Федька был сражен наповал. И пока я злилась и отдыхала от него, он в очередной раз женился, уговорив девочек в загсе все совершить немедленно, так как уезжает на зимовку. Кроткое создание выгнало его из собственной квартиры через месяц и обозвало Федьку «овсяным киселем».

И снова Федька явился ко мне с жалобами на жизнь, но я уже была с Гришей.

Я объяснила, что могу остаться другом, выслушивать его стоны, читать его стихи, — он при разводах разражался стихотворным циклом, — но спать отныне отказываюсь. Ни слезы, ни мягкие прикосновения пушистой бороды к моим рукам, ни коленопреклонение не помогли. И он начал ходить в наш дом, как в столовую, прося лишь «тарелочку супа».

Я кормила его почти год, удивляясь долготерпению своего мужа, но Гриша к нему не ревновал. Он не мог поверить, что такой хлюпик был моим любовником.

Потом Федька все-таки разменял жилплощадь, получил для себя квартиру дворника в одном из старых московских домов и исчез с моего горизонта, отказавшись от супов. Я слышала, что он снова женился, но больше его не видела.

В первом же справочном мне сообщили его новый адрес...

Я попала в гигантскую коммунальную квартиру, с коридором, похожим на переход в метро, длинным, извилистым, забитым старыми шкафами, велосипедами, детскими ваннами и выварками. Фамилии Федьки в списке жильцов не было. Я позвонила наугад, извинилась перед древней старухой и спросила о Федьке.

— Если не повесился, то дома, — сказала она загадочно, шмыгая красным носом и обдав меня запахом сивухи плохой отгонки.

Я постучала в указанную дверь. Никто не ответил. Я постучала сильнее... Молчание. Толкнув дверь, я окунулась в клубы дыма. За столом за машинкой сидел Федька и что-то выстукивал, поминутно прикуривая от дымящейся сигареты.

Лысина его шагнула на затылок, но плечи стали шире, и он не производил больше впечатления хлюпика.

— Привет, Федор! — сказала я. Он так стремительно вскочил, что опрокинул стул.

— Боже мой! Ты мне снилась целую неделю, это перст судьбы!

Он обхватил меня руками и стал целовать, не очень попадая в губы, точно молочный щенок, ищущий сосок матери...

Потом отступил, оглядел и попытался продолжить это занятие, но я засмеялась и уселась на скрипучий диван, служивший ему постелью.

— Сколько лет, сколько зим...

Он не принял моей попытки светского разговора.

— Если бы ты знала, сколько я о тебе думал, мечтал, искал...

— Где?

— И к матери твоей приезжал, и Гришку пытал, но все говорили так многозначительно и таинственно, что я решил — ты сделала ноги за бугор.

— Не попрощавшись с тобой? Мы же связаны одной цепью неудач, как каторжники...

Коммунальная квартира шумела, скрипела, переговаривалась, точно вокзал, громко и бессвязно, но это его, видимо, не отвлекало.

— Как ты тут оказался? — спросила я, оглядывая комнату, которая упиралась в кирпичную стену, отчего в ней и днем горел электрический свет.

— Я ее сначала снимал, а потом выплакал эту конуру, «за выездом» никто из соседей не претендовал... Вот ДЭЗ и разрешил прописку. Но я стою на очереди в нашем институте...

— И эта выперла? А где подобрал очередную красавицу?

Он подергал себя за бороду.

— На вокзале, она с ребенком сидела, ее муж бил, унижал, вот я и... пытался помочь...

Мы были с ним в чем-то похожи, наверное, поэтому я так часто прощала его, а он тянулся ко мне, как к «жилетке», в которую можно выплакаться.

— А что у тебя?

— Влипла в нехорошую историю, — сказала я неопределенно, прикидывая, что откровенничать рано, я ведь пять лет ничего о нем не знала.

— Хата нужна?

Он сделал широкий жест, приглашая меня принять все его богатство, включая комнату и хозяина.

— А если я у тебя кое-что оставляю?

Я вдруг подумала, что бродить по городу, ездить в электричке с запонками рискованно. Те, кто убил Карена, наверняка знали о моем существовании.

— Где хочешь и что хочешь... Могу даже не смотреть, не знать...

Федька сел снова за машинку, чтобы не подглядывать.

Я вынула запонки, осмотрелась. Федька жил настолько по-спартански, что я впала в уныние. Но тут я увидела возле дивана древний торшер. У нас был дома такой же, и я помнила, что дно у него полое. Я быстро его опрокинула, завернула запонки в носовой платок, вложила пакетик в торшер и прикре-

пила его лейкопластырем. Он был у меня в сумке, потому что я вечно натирала ноги в новых туфлях.

Шума я не производила, да и за стуком машинки ни о чем нельзя было догадаться.

— Что ты пишешь? — спросила я, усевшись на диван.

— Сюрреалистический роман в духе Роб-Грийе... О жизни, о нас с тобой, о предвидении, предначертании, предопределенности... С большой дозой эротики, конечно... Хочешь, я почитаю вслух несколько страниц?

Эротика и Федька! Но я даже не фыркнула. Он ни в чем не был виноват...

Я отказалась от литературного часа, сославшись на срочные дела, выпила кофе, который он готовил на маленькой плитке, не выходя в коммунальную кухню, и, не вслушиваясь в его речи, выбежала.

Многое сложилось бы иначе, пойми я, что свой «гениальный» роман он делает для одного кооперативного издательства, в котором шефом подвизался Кооператор.

БАБУШКА-ДЮЙМОВОЧКА

Она жила в полуподвале музея, и я добралась до старушки без хлопот. Я боялась, что она меня не узнает, насторожится, но зоркие глазки меня точно сфотографировали, и я без препятствий оказалась в ее большой квадратной комнате, заставленной горшками с цветами: два гигантских фикуса, одна огромная роза на специальной тумбочке, множество вяющих растений, а на подоконнике «жених» и «невеста», такие сочные, точно их вполне устраивал полумрак подвала.

Бабушка-Дюймовочка была причесана модно, хоть и не совсем по возрасту воспринималась мальчишеская стрижка на седых волосах. На ней оказались кожаные брюки и туфли на высоких каблуках, а свободный черный ангорский свитер свел бы с ума любую фирменную девчонку.

Она указала мне на кресло, полукруглое, с львиными мордами на подлокотниках, а сама, вспорхнув во второе кресло, сказала:

— Вас что-то интересует конкретно, милочка?

Я ничего толком не знала, значит, надо было блефовать. Хотя Карен приучил меня и к покеру, и к преферансу, я немного терлась под ее холодным и твердым взглядом. А главное, я не знала: известно ли ей о смерти Карена?!

— Марат у вас был недавно?

Что-то промелькнуло в ее лице.

— Нет.

— Вы его любите?

— Относительно.

— Но помогаете ему материально?

— Он сам себе помогает... Хотя это бесполезно. Он типичная бочка Данаид. Вы знаете, что это такое?

— Я закончила университет...

— О, Карен не упоминал, я думала, что вы обычная его девочка...

— А вы многих знали?

— Человек пять... В прежние годы он был порядочным греховодником. Да и роли они играли разные. Одна — для приемов, другая — для телесной улады, третья — порученец... Женщины справляются с рядом дел лучше, они осторожнее и умнее...

Речь у нее была современная, манера уверенная, она разительно не походила на ту бабуся, которая у меня в кухне обещала стукнуть ракетиров клюкой.

— Вас послал Карен? — спросила она неожиданно. — Так не будем тратить времени. Посредников я не угощаю... Вы принесли доллары?

Я попробовала схитрить:

— Он еще не решил окончательно...

— Ах, так! — Старушка подпрыгнула в кресле, и мне показалось, что она собирается отплясывать на полу, как ведьма в мультфильмах. — Он еще колеблется! А я потеряла двух выгодных клиентов, как вам это нравится?! Вот смотрите, смотрите, стоит ли ему жалеть несчастные пять тысяч долларов?

Я не заметила, куда дернулась ее ручка, но на столе оказалась такая же коробочка, как и та, в которой раньше лежали запонки.

— Вот, смотрите, вы видели когда-нибудь такую прелесть?

Передо мной лежала брошь в форме букета ландышей. Только цветы были из очень ярких бриллиантов, а листья — из платины.

— Тоже подарок императора Николая II?

— Нет, это из приданого матушки. Она была дочерью чиновника правительственного сената и кончала Смольный. Императрица Александра Федоровна преподнесла ей к свадьбе, за особые услуги.

Кажется, старушка была не только приличной актрисой, но и сказительницей!

— И Марат не наложил руки на наши сокровища!

Лицо ее исказилось ужасом.

— Вы близко знаете Марата?

Я кивнула, и коробочка с брошью исчезла мгновенно, как у фокусника.

— Бижутерия. — Тон хозяйки стал унылым и дребезжащим. — Уж простите старую, только и радости, что хвастать проплым... Люди верят моему возрасту, а я показываю чешскую бижутерию...

— Тогда это мошенничество!

Она вскочила и, открыв дверь, сделала царственный жест.

— Прошу вон!

Но я не шевелилась. Роли переменились, я ее не боялась.

— Марат знал о тайнике в секретере Карена?

Таисья Сергеевна съежилась, будто из нее выпустили воздух.

— Знал, ограбил тетю и даже сотню не вернул, негодяй!

— Вы ему поручили продать секретер?

— А что оставалось делать? Он меня без куска хлеба оставил на старости лет, на голодную смерть обрек...

— Долларовую смерть...

Мы обе вздохнули.

- Больше он ничего не предлагал вам продать?
- А у меня ничего и нет, милочка, я последнее доедаю...
- И отъезжающая за бутор правнучка не помогает?

На секунду мелькнуло удивление, потом она вспомнила свою версию на кухне Карена и засмеялась.

— Ох, я так любила в молодости играть в любительских спектаклях. Представляете, работала в домоуправлении, а на сцене была Офелией! А какой я была Виолой! Знатоки говорили, что не уступала лучшим актрисам императорской сцены...

Я неожиданно вспомнила старый польский фильм, где молодая горничная тайком надевала платье барыни и разыгрывала из себя аристократку.

— Вы рано начали работать?

Она кивнула, и лицо ее потускнело.

— А потом барыня уехала и оставила вам на хранение свои вещи?

— Мы были как сестры...

— А где вы работали во время войны? В магазине или в столовой?

Она ненавидяще посмотрела на меня. Кажется, я угадала источник ее драгоценностей. Такие женщины осмотрительно обменивали ценности на продукты у голодных людей. Я вспоминала мамины рассказы. В годы ленинградской блокады она отдала бабушкину золотую цепочку за сто граммов сливочного масла...

Я направилась к двери и этим очень напугала старушку.

— Пойдите, так же нельзя, мы и кофейку не попили и не покалякали. Я вам сувенирчик приготовила, настоящий, не чешский...

Она забежала вперед и протянула на ладони крошечный гранатовый крестик.

— Вам пойдет, на такой шейке...

— Я не принимаю сувениры,— сказала я холодно,— а на покупку у меня нет денег...

— Попросите Карена, вам он не откажет...

— Откажет. Он мертв.

Я внимательно наблюдала за бабушкой-Дюймовочкой, но ужас, искаживший крошечное морщинистое личико, был непри-
творным.

— Умер?

— Убит. После пыток.

Она пошатнулась и закрыла глаза.

Я усадила ее в кресло, не решаясь уйти и оставить женщину в таком состоянии. Потом она вздохнула, откашлялась, потерла грудь рукой.

— Дайте «нитронг», баночка на подоконнике...

Я протянула ей таблетки, она высыпала одну и проглотила, даже не запив.

Опять помолчали.

— Вы на милицию работаете?

— На себя.

Лицо ее стало розоветь. Она хотела еще что-то сказать, но

я заторопилась. Главное я узнала: она не имела отношения к убийству, но почему-то панически боялась Марата, своего милого родственника...

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

В электричке я попыталась суммировать все, что выяснила за этот тягостный день.

Итак, Марат знал о тайнике, мог туда забраться, но зачем он бросил запонки на пол, вместо того чтобы просто стащить?

Коллекционерша «тетя Лошадь» рассказала о них какому-то скрипачу в ресторане. Но он не знал ни моего адреса, ни Марата.

Шагала хотела, кроме «тети Лошади», Кооператор и профессор; последний, не глядя, жаждал скинуть сто тысяч деревянных...

Больше всего я грешила на Марата, с его «принципами» можно было ожидать любой подлости, но он не выносил вида крови. Помню, как чуть не упал в обморок, порезав палец в нашей коммунальной кухне, и весь побелел, когда я заливала ранку йодом. Значит, пытки при нем исключались. А может быть, убийцы рассчитывали найти запонки и новую брошь, которую Карен не успел купить? Неужели он не мог сторговаться с рэкетирами?

Голова шла кругом, и я боялась идти в милицию. Боялась, что начнутся расспросы о его делах, покупках, продажах и заграничных компаньонах да о моих контактах с коллекционерами.

Я ведь тоже была далеко не ангелом и некоторые вещи, что привозил Карен, продавала алчным модницам по самым бешеным ценам. Я получала откровенное удовольствие, сбавляя жадным клушкам тряпки, раньше мне недоступные. И если в начале нашего знакомства Лиза купила у меня по скупочной цене старинную серебряную цепь — я тогда верила, что интеллигентный человек не будет обманывать равного себе по интеллекту, — то теперь я бестрепетно называла цену вдвое-втрое большую, чем мне стоила вещь на самом деле. Я перестала играть в поддавки со знакомыми, убедившись, что все коллекционеры живут по законам волчьей стаи.

Карен привил мне презрение и к милиции, называя их «доморощенными Пинкертонами», и как-то сказал, что всегда «задорого» покупал большого начальника. Это было выгодней подачек «оловянным солдатикам».

Вдруг мне вспомнился Боб, великолепный компаньон Карена. Мы познакомились в хаммеровском центре, и мне понравился большой американец в клетчатом пиджаке и с неизменной жвачкой во рту. Что-то было очень привлекательное в его носе картошкой, в добродушных серых глазах, во всем длинном, слегка помятом жизнью лице.

Мы поболтали по-английски, посмеялись. Боб обожал наши анекдоты и знал их множество, но в переводе на английский они звучали нелепо — у меня даже скулы заболели от смеха. Карен попросил отвезти Боба в гостиницу, но в машине американец пожелал, чтобы я напоила его чаем. Мы долго хихикали в моей

кухне, потом он намекнул, что уже поздно возвращаться в гостиницу, и я постелила ему на раскладном кресле пушкинской поры. Через некоторое время он перекочевал на мою тахту, и я не прогнала его. Правда, он оказался не на высоте, жаловался, что не выспался в самолете, намотался за день по Москве, а утром огорошил меня, когда с чисто одесским акцентом произнес:

— Ша, киндер, таких телок у меня навалом, ты не тянешь на профессиональную шлюху...

— Так ты не американец?

— Американец, уже семь лет, но из Одессы-мамы и Ростова-папы... Работаю в Америке брокером и приехал сюда учить наших олухов умению делать деньги... — Он улыбнулся, просто душно и весело. — Денег с меня не обломится, но зато подарю дорогой совет: кончай с Кареном, чтоб не залететь к белым медведям. Он кинул тебя мне, как бифштекс с кровью...

Я молчала, испытывая даже не унижение, а безмерное удивление.

— Не веришь? — Он подмигнул и пропел: — Глупая вы баба, фитилек у вас горит чрезвычайно слабо... — Потом снял трубку, набрал какой-то номер.

— Каренчику физкульт-привет! Да, я в твоей квартире. Все о'кей, и по морде не бит, и даже кофейком напоен. Слушай, я сброшу десять процентов, как ты просил... Да, за кайф... А уж такой...

Он повернулся и подмигнул мне:

— Видишь, как я твою репутацию секс-бомбы укрепляю...

Они еще долго говорили намеками, а уходя, Билл потрепал меня по плечу:

— О'кей! Такой бы гоменташен да к Пуриму...

Заметив, что я его не поняла, заулыбался еще ласковее.

— Пурим — еврейский праздник в честь спасения евреев от злобных замыслов разных идиотов древности. А гоменташен — мои любимые пирожки, которые делают на этот праздник с маком, изюмом, цедрой и медом. Их печет у нас Меламед из Житомира, лучше всех на Брайтон-Бич.

Я не испытала особого удовольствия от того, что меня сравнили со слобным пирожком.

И тут он посерьезнел.

— Кончай работать шлюхой, не твое амшлуа, могу устроить вызов за один кусок, но зато — сразу с работой, может быть, и к себе возьму секретуткой...

Я проводила его, залезла под душ и долго терла себя мочалкой, пока кожа не покраснела и не заболела.

Днем заскочил Карен и сказал, что положит на мой счет еще пятьсот долларов.

Вскоре в ресторане «Космос» за наш стол присел очень красивый парень с тонкими усиками, точно нарисованными чертежным пером, и огромными черными глазами. Он был одет в дорогой вечерний костюм, на пальцах переливалось несколько колец, но больше всего бросился в глаза квадратный изумруд в бриллиантовой осыпи.

— Познакомься,— сладким голосом произнес Карен, таким сладким, что я приподняла брови,— это шейх Ахмед, он учится у нас в университете Лумумбы.

Шейх поклонился, не разжимая губ, и осмотрел меня, слегка прищмокнув.

Карен растерял всю свою солидность. Он всячески пытался развеселить гостя, предлагал ему разные блюда, вина, но тот пил лишь холодную минеральную воду и жевал лист салата, точно корова. Мне стало смешно, я фыркнула, и гость перевел на меня вдумчивые коровьи глаза.

— Он понимает по-русски? — спросила я. Карен замахал руками, а шейх сказал почти без акцента:

— Прошу подарить мне один танец.

Мы завальсировали, точно на бале времен «Войны и мира». Платье мое было закрыто спереди, даже со стойкой на горле, зато сзади открывало мои прелести, кажется, до ног, потому что Карен не выносил, когда я надевала бюстгальтер и обычные трусики, а не бикини.

Партнер, однако, не заглядывал в обозримые возможности моей фигуры, а держал меня на отлете, как танцор дансинга в западных фильмах. Я видела близко идеально выбритую промассированную кожу, лениво пошевеливающиеся ресницы и представила на его черной набриолиненной голове попону, придержанную обручем, которую носит лидер Палестины Арафат. Я снова фыркнула, а шейх спросил:

— Вы не хотите со мной проехать в посольство?

— Что я там забыла?

Он наклонил голову:

— Вы мне подходите...

— А вы мне — не очень...

Он кружил меня, точно робот, и только после паузы заявил:

— Боб одобрил...

Я не сразу поняла, а поняв, резко остановилась.

— Да что я вам — телефонная девочка?

Он упрямо продолжал меня раскручивать.

— Боб сказал «о'кей», он мои вкусы знает.

— Но я вам не по карману...

Вот тут он засмеялся, блеснув очень крупными и белыми зубами, отчего правильное лицо стало жестоким и холодным.

— Сколько?

— Может быть, устроим аукцион?

— Я все равно всех переиграю, ведь я — из Бахрейна...

Мне вдруг стало скучно. Мы вернулись к Карену, и я ушла в туалет, чтобы накраситься и выкурить сигарету для спокойствия.

Значит, Карен решил пустить меня в раскрутку? Пресытился, или сделка оказалась выгодной? Я вспомнила, как он говорил, что всегда все продает, если ему дают хорошую цену.

Интересно, во сколько оценил меня этот нелепый шейх?

Когда я вернулась в зал, шейха уже не было, и Карен извинился, пояснив, что «мальчик выпил и потерял голову».

Было темно, когда я сошла с электрички. К счастью, Дмитрий

Моисеевич жил недалеко от станции, и я пролетела это расстояние, как олимпийский бегун. Убийство Карена заставляло меня ежесекундно оглядываться и прислушиваться к шагам за спиной.

Он был дома, в старомодной суконной домашней куртке с брандебурами. Дмитрий Моисеевич открыл мне дверь, стараясь не показать, как удивил его мой визит в такое время.

Отцовский друг был маленький, крепенький, похожий одновременно и на гриб-боровик, и на Тома Сойера, такой же курносый, веселый и озорной, отчего белые волосы выглядели париком.

— Что-нибудь с мамой, с папой?

— Нет, со мной.

Лицо его выразило явное облегчение. Родителей он любил, а меня считал девицей с плохим характером, которую мало секли в детстве.

— Сначала чай,— сказал он, пропуская меня в комнату,— потом эмоции.

Он двигался бойко, хотя и стал подволакивать ногу, да и левая половина лица оставалась неподвижной.

— Дядя Дима,— сказала я,— что же вы не известили, когда заболели?

— Хорошенькое дело! А кто первый прилетел на метле? Твоя мама. Она две недели меня выволакивала. Не слышала?

Моя мать никогда не рассказывала о тех, кому помогала. И я обрадовалась, что они помирились. Я подозревала, что он был влюблен в нее в молодости, хотя и сочувствовал отцу из-за ее стремления исполнить роль «Синей птицы». Он столько пережил, что казался мне мудрым, как царь Соломон, и я решилась на исповедь.

Дмитрий Моисеевич слушал молча, даже наводящих вопросов не задавал. А главное, я не ощущала в нем презрения, которое так эффектно проявила мама, узнав о моем «грехопадении».

Невольно я сравнивала его с Кареном, более молодым, уверенно-расчетливым. Кто был счастливее?! Сидевший напротив старик, так и не сподобившийся получить квартиру в Москве, хотя воевал во время войны в эскадрилье «Нормандия — Неман», имел знак Почетного легиона, давно мог переехать во Францию, но остался участковым врачом в полусельской больничке? Или властный армянин, рассчитывающий каждый шаг, питавшийся женщинами, как чуреком, не потративший крупницу сердца на дружбу и любовь?!

Дмитрий Моисеевич смешно морщил лоб, отчего между бровями возникал трезубец и нависал над переносицей.

— Самое страшное, мадам,— сказал он под конец,— что родители тебя проиграли.

— Кому?

— Времени, среде, быту... Каждый жил по личным склонностям и никакой ответственности за душу, выброшенную в мир, не ощущал. Конечно, грех зарывать талант в землю, но еще грешнее пускать на ветер рожденную тобой душу...

Я обрадовалась. Приятно, когда ответственность перекладывается на других, а ты вроде жертва...

— Превратить себя в подстилку, пардон, с легкостью могут многие особи женского пола, и даже восхищаются своей независимостью. А принесло ли это счастье, ты смогла его купить за доллары?!

Мне стало скучно. Я пришла за конкретными советами, но, похоже, прикатила напрасно...

И я огрызнулась:

— Да, я была счастлива, потому что перестала думать о копейках, потому что появлялась с настоящим мужчиной, перед которым открывались двери всех ресторанов, потому что мое шмотье вызывало зависть всех «прикинутых», потому что могла купить любую клевую вещь, потому что жила в человеческих условиях, с наборами дефицитных продуктов...

Я ожидала всего, чего угодно, кроме веселого и добродушного смеха. Дмитрий Моисеевич хохотал так, точно выслушал очередной монолог Жванецкого или Задорнова. Даже глаза утирал, а потом сказал, отдышавшись:

— Вот ты и показала все свои болевые точки и все симптомы заразы. Почти как в старом анекдоте. У соседа умирает осел. Мне нет дела ни до соседа, ни до его осла, а приятно.

— А что лучше — иметь нищую душу или пустой желудок?

— Как я понимаю, тебе это не угрожало, просто ты струсилась... биться за полноценную жизнь...

— Бесплезняк. Да и надоело за все биться. Я женщина, а не воин.

— Самое простое решение. — Он достал чистое белье из потрепавшегося комода и бросил его на диван. — Располагайся, мадам. Живи тут, если надо. Даже кормить буду, а от советов уволь. Своя голова была, чтобы грешить; пусть она тебя и выпутывает...

Он ушел в соседнюю комнату, долго кряхтел, курил что-то очень пахучее и приятное. Я знала, что старик сажал какой-то табак у дома, сушил, добавлял травы и не изменял самокруткам со времен войны.

— Дядя Дима, я не сплю, — крикнула я через час, бесполезно провертевшись на его кожаном диване, с которого сползали простыни. — Почему вы не хотите мне ничего толкового посоветовать?!

Он ответил, прокашлявшись:

— Бесплезно, ни советы, ни чужой опыт никого ни от чего не предостерегали. Я много лет думал: зачем было делать нашу революцию, когда уже была известна трагедия французской? Ведь по месяцам можно было все изучить, предсказать, понять? А влезли в новый, еще более страшный виток истории.

— Вы вышли из партии?

— Я в нее не входил в отличие от твоего отца. Он вступил в партию на фронте, а теперь в Австралии стрижет купоны, а я все пашу здесь свою борозду и только пытаюсь ее не искривлять...

— А почему вы не женились?

Пауза была долгая, поскрипывающая всеми звуками деревянного домика.

— В старину говорили — однолюб, сейчас молодежь таких называет вырожденками. А суррогатов не хотел, в монастыри уходить было не модно...

— Это мама вам жизнь загубила?

Снова пауза, откашливание.

— Не загубила, осветила!

Я хотела хмыкнуть, но что-то сжало горло, и я впервые позавидовала матери. Мне настоящее чувство так и не посветило. Хотя рядом с красавцем отцом шансов у дяди Мити не было.

— А вы бы сейчас на ней женились?

— С радостью. Она не хочет...

И впервые за много лет я заревела, затыкая рот подушкой, давясь соленой влагой и корчась под простыней. Жизнь все время меня обкрадывала, подсовывала дешевку, а разве я была хуже матери?!

Так в слезах и уснула, а утром нашла на столе завтрак под салфеткой и записку: «Без советов. Не лезь в это дело. Оно пахнет кровью».

Но светило солнце, я прекрасно выпалась, голова стала ображать четко и ясно, и пока жевала хлеб с маслом и пила черный остывший кофе, прикинула, что имею еще один свободный день. До школы, до милиции.

С кем я еще не виделась? Не говорила?

И вдруг сообразила, что напрасно не взялась за Марата. Он болтун, и его можно было завести, подзадорить, даже купить... Он не мог не знать об убийстве Карена, иначе бы так не испугался при виде меня на аукционе.

Конечно, проще было отсидеться тут, исповедуя любимый принцип Карена: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю...» Но, во-первых, пропала мамина картина. Во-вторых, я проявила себя как последняя дура. В-третьих, меня жег азарт. Неужели я не смогу понять происшедшее?

Хотя желание мести притупилось, мне до смерти хотелось увидеть рэкетиоров, тех, кто из-за паршивой картины мог пытаться человека и убить его.

Я огляделась, понимая, что в таких авантюрах нужно хоть какое-то оружие. Баллончик с парализующим газом остался в другой сумке. Тут я заметила подле телевизора старый утончившийся скальпель и провела по нему пальцем. Как бритва, а места не занимает. И потом, я верила в приемы джиу-джитсу. Сегодня этим мало кто занимается, будет элемент неожиданности.

Я оставила записку: «Простите, натура зовет! Вечером заеду», — не предполагая, что еще очень долго не увижу дядю Митю.

ЛОВУШКА

У Марата я была давно, еще до того, как он продал меня Карену. Без приглашения, случайно. Он даже адреса не давал, заявляя, что баб в свою берлогу не пускает. Но я помнила, как

мой бывший муж однажды полчаса договаривался с ним о визите, повторяя его объяснения, как добраться до дома. А у меня память отвратительная, в отличие от нужных ненужные предметы западают в нее навечно. Как-то Марат забыл у меня папку со статьей, срочно сдаваемой в номер, и я приехала к нему. Сначала его физиономия выразила неприятное изумление, потом приятное отвращение после моих слов, что я хочу получить в награду стакан воды. К воде или ко мне отвращение, до сих пор не знаю, но я переступила порог его комнаты, которую он охранял как логово Синей бороды. И... с трудом сдержала улыбку.

У Марата, презирающего уют и быт, обстановка напоминала гнездышко старой девы. Занавесочки, кружевные салфеточки, семь слонов на пианино с бронзовыми канделябрами, круглый стол посредине под огромным бордовым круглым абажуром со стеклянными бахромками в виде сосуллек. Но больше всего меня удивила кровать с горой подушек и кружевным покрывалом...

В кухню он меня не пустил, принес воду в голубой кузнецовской кружке с голубками, мрачный, точно я помешала ему ограбить банк. Видно, боялся насмешек, но я не сказала ни единого слова, будто такая обстановка вполне соответствует проныре-литератору. После этого посещения Марат избегал меня целый месяц...

В этот раз я звонила в его дверь долго, минут двадцать, у меня даже палец устал давить на звонок. Когда я собралась уже уходить, дверь распахнулась. Марат был небрит, и в глазах его плескался ужас.

248

— Ну, входи, раз сама захотела... — сказал он невнятно и дал мне дорогу. Я еще могла выскочить, дверь он не загораживал, но меня жег азарт упрямства.

— Ты лазил в наш секретер? — начала я. Его большой нос опустился, а торчащие пряди волос заколыхались. Меня всегда поражало, что у человека с таким сумасбродным характером были такие мягкие и воздушные волосы. Что-то мелькнуло в маленьких глазах, и он пропел:

— Мадам, уже падают листья...

— Кого ты навел на моего Шагала? Этого чугунного Кооператора?

— Мадам, уже падают листья... — повторил он еще противнее.

— Кому ты служишь? Не бойся, я не настучу и в милицию тебя не заложила, я вообще от них сбежала...

Марата отстранила чья-то рука, и в комнате оказался совсем молоденький мальчик, на вид — не старше семнадцати, с остренькими чертами лица и длинными волосами, заплетенными в косичку с голубым бантиком.

Я не испугалась, педики вообще казались мне безобидными, но мне почудилось, что в квартире еще кто-то есть, а это настораживало...

— Значит, наш друг лазил в ваш секретер? — тоненько прозвенел мальчик, и Марат залился синюшной бледностью — Ай, как нехорошо шарить по чужим тайникам и воровать милые записки...

— Да не брал я, сколько можно повторять, даже не видел...

В ту же минуту мальчик ударил Марата по лицу. Ударил, как мне показалось, несильно, но на скуле мгновенно появилась кровь. В лапке мальчика был кастет. Я сделала шаг к двери, запоздало осознав разумность совета дяди Димы, но за моей спиной вырос еще один юнец, много крупнее, но с совершенно щенячьим добродушным лицом.

— Как мы счастливы, что видим вас! — пропел он юношеским баском. — Даже вычислять не пришлось... Так где все-таки запонки?

— Дались они вам! — Я небрежно пожала плечами. — Карен их толкнул еще неделю назад.

— Вреешь! — Юнец сделал шаг в мою сторону, и вместо ужаса я ощутила ярость. Если бы хоть полноценные взрослые люди, а то шпана вшивая...

Я думала, что он ударит, и приготовилась ответить приемом, но он неожиданно намотал на руку мои волосы, которые только сдуру можно было распустить, идя в такое место... Боль заставила меня откинуть голову и выплеснула слезы на глаза.

— Ну, так где запонки, лапочка? Ведь жалко будет оставить такую телку лысой.

В его левой руке появилась зажигалка, и он медленно повел ею по направлению к моим волосам. И тут я вспомнила о скальпеле. Сумка еще висела на моем плече, я рванула «молнию» левой рукой, а правой, схватив на ощупь скальпель, резанула его по кисти, держащей зажигалку.

От неожиданности он дернулся, отпустил мои волосы и зажал руку.

— Вот зараза, вот б... очковая!

Его напарник бросился ко мне, но я вспомнила болевой прием, которому учил когда-то отец, и сильно ударила его щелчком по кончику носа, а потом бросилась к двери, моля судьбу, чтоб замок не был закрыт изнутри.

Маленький гаденыш кинулся за мной, но ему мешали слезы, обильно полившие из глаз. Я воспользовалась этим, нагнулась, сделала подсечку и бросила его через плечо, как мешок с картошкой. Потом открыла дверь и побежала по лестнице. Только на улице я заметила, что выронила скальпель в квартире Марата.

Конечно, теперь надо было пойти в милицию, но я с трудом преодолеваю антипатии. Когда-то в юности я пыталась продать на Тишинском рынке старые шмотки, чтобы купить новые туфли. Меня задержал один хмырь, типа Кооператора, с такой же мордой и мускулами, и в течение часа читал нотации в опорном пункте милиции, злорадно обещая сообщить о том, что я спекулянтка, в университет. Он получал такое удовольствие, предвкушая, как я буду рыдать и ныть, умоляя о прощении, что я забесилась и заорала:

— Да подавись ты своим протоколом, хрен собачий!

— А за это схлопочешь пятнадцать суток... — начал он.

— А ты из милиции вылетишь впереди своего собственного визга, когда моя мама позвонит Галине Брежневой...

Я нахально заложила ногу на ногу и щелкнула пальцами:

— Сигарету!

И этот «облом» полез ко мне с сигаретой и зажигалкой.

— В общем, подотрись своим протоколом! — сказала я, вставая. — А вот мне ФИО твое желательно узнать...

Он беспомощно оглядывался, не решаясь призвать меня к порядку, и я вышла из этого вагончика, превращенного в «опорный пункт милиции», показав ему на прощание фигу...

Нет, в милицию я не хотела обращаться, а вот узнать московские сплетни можно было через «тетю Лошадь».

Я позвонила ей, услышала вопли, очень торжествующие и громкие, по поводу смерти Карена, строгий призыв приехать немедленно и обещание советов и поддержки...

«Тетя Лошадь» попробовала заключить меня в объятия, всплакнуть, но я засмеялась:

— Перестаньте! Вам это не идет...

Она тут же настроилась на мою волну и закричала, — она не умела говорить тихо, — что Карен был стервец и проходимец, но делал большие дела, и она надеется, что я вспомню о ней, когда начну распродавать его вещи... Потом она стала показывать мне квитанции почтовых переводов на разные благотворительные цели, церкви, священникам...

— Понимаешь, пора о душе думать, звоночки уже были, я и своему скрипачу сказала.

— А вы его все-таки пустили в квартиру.

Она повинно хмыкнула.

— Вкрался, стервец, в бабью душу, да и полезен бывает, сегодня вырезку притащил из ресторана — закачаешься...

— Он каждый день к вам забегает?

— И денег не берет, из симпатии, говорит, тоска по матери, которую не помнит...

— А как же реставратор Степа?

— Ну, я ему не докладываю... Да и перестал он для меня мышей ловить, зазнался, почти неделю не могла упротить, чтоб чашку склеил, я такую на вернисаже оторвала: умереть — не встать.

Мы посидели на кухне, она все охала, что я не отдала ей Шагала, что не показала запонки, при этом очень сноровисто разогрела гречневую кашу, телячьи отбивные, полила все ореховым французским соусом. «Тетя Лошадь» любила и умела поесть и себе ни в чем не отказывала, но никому не помогала, если это не сулило ей крупных выгод...

— Вас уже вызывали в милицию? — спросила я.

— Нет, ко мне являлся утром один следователь, такой тощенький, нервный, и все губки покусывал, точно его родную тетку укусили...

— Что их больше всего интересовало?

— Ты, матушка, ты, золотце алмазное. Как получила квартиру, откуда обстановка, в каких отношениях была с Кареном... Ну, я все честно, как на духу доложила, объяснила, что считалась полубовницей, но работала и секретаршей, что на аукционах бывала, разбиралась в искусстве, но Шагала достала с рук, в магазине эта картина не всплывала...

Она рассказывала о своем стукачестве, точно читала мне на ночь детскую сказку, и никакого смущения на ее лице я не заметила.

— Зачем вы меня заложили?

— Я же коллекционер, все мы под Богом, вернее, под МВД ходим...

Тут она была чистосердечна. При ее широкомасштабных операциях по покупке и продаже она легко могла повиснуть на крючке...

— Ну, как жаркое, правда, божество и вдохновение?! Я вчера своего крестника им ублажила от пуза.

— Степку-реставратора?

— Да, он мне и рассказал о Карене.

— А когда? — со старательной небрежностью спросила я.

— Да сразу после аукциона. Или до — не помню, голова уже не так варит, как раньше, я могла всего «Евгения Онегина» наизусть прочесть...

Сердце у меня остановилось, потом забилося учащенно.

Первая ниточка. В милицию я звонила около четырех, до этого времени об убийстве могли знать только исполнители или свидетели. Но «тете Лошади» даже вида нельзя подать, она тут же ему позвонит. Я перевела разговор на ее новую покупку — бисерную выпивку с собакой, которую она купила на последнем аукционе.

Потом вспомнила, что у меня есть вазочки Галле, отчего ее глаза запылали как бриллианты. Это были самые популярные на аукционе предметы. Чем меньше вазочка, тем дороже, особенно на аукционах в Лондоне. За них давали десятки тысяч долларов.

— А много от Карена осталось Галле?

— Хватает... — Взгляд у меня был туманно-многозначительным, как у истинного коллекционера...

— Но мы играем...

— За адрес Степана. Я хочу отреставрировать сервиз Софронова.

«Тетьа Лошадь» сдалась, и я отправилась к реставратору, вспомнив, что незадолго до появления в моей квартире Шагала я видела, как Степа садился в машину Кооператора со множеством тяжелых свертков. Когда я подходила к его мастерской, эта сцена ярко вспыхнула в моей памяти.

Дверь мастерской была обита железом, точно сейф. Степа открыл довольно быстро, но, увидев меня, замялся.

— Понимаешь, я не один...

Его спортивный костюм был в беспорядке, куртка не застегнута, и волосы прилипли к вискам...

— Я только хочу узнать, когда ты услышал о смерти Карена?

Привалившись к стене, Степа внимательно меня разглядывал, и я только сейчас заметила, что голова его похожа на черепащуюся.

— Так от кого ты узнал о смерти Карена? — повторила я.

— Это допрос? Ты пошла служить в милицию? А может, по их заданию путалась с Кареном?

Он огрызнулся, но бесстрашно. Видимо, за ним ничего уголовного не тянулось. В отличие от Марата.

— В котором часу ты узнал?

— Дуреха, я же весь аукцион сидел рядом с тобой, неужели не помнишь?

Я прикрыла глаза, вспоминая тот день. Кажется, он действительно был неподалеку...

— Доперла? А потом ребята попросили взять в реставрацию гарднеровскую группу, я стал ее рассматривать, они торговались, и тут кто-то упомянул, что Карен сыграл в ящик...

— Но кто? Я еще никого не могла известить, я еще не видела трупа...

— Значит, его видели до тебя...

— Это я понимаю, поэтому и пытаюсь узнать...

— А зачем? Крутые мужички шуток не понимают...

— Ты их боишься?

— Я ни на кого не клепаю, честно делаю дело, а на кого работать — мне все равно, лишь бы бабки отстегивали...

Он внимательно оглядел меня.

— Ничего, годишься! Пошли лучше побалуемся, душа очистится от скверны...

— У тебя же там дама...

— А две — еще лучше.

— Прекрасный способ исповеди!

Я повернулась, чтобы уйти, и вдруг услышала:

— О Карене знал Кооператор, только он шестерка, не лезь в чужие дела. Жаль, если такая фактура пострадает...

Я поехала домой, осознав, что Шерлока Холмса из меня не получилось...

ДОМА

Я влетела в подъезд, вынула газеты из ящика и поднялась лифтом, хотя на третий этаж обычно ходила пешком. Но я боялась встреч с соседями, расспросов, а потому мечтала быстрее нырнуть в квартиру. Еще я представляла, как увижу пустую комнату, где недавно лежал труп Карена, и все во мне леденело. Конечно, я не обратила внимания на повестку, всунутую в ручку двери, торопясь отзвонить матери и завучу, чтобы выяснить, добрались ли до меня в школе.

Я старательно закрыла все замки, вдела цепочку, как приучал меня Карен, потушила свет в передней и вошла в комнату, где увидела двух приятных и совершенно безликих молодых людей в черных милицмейских ботинках и одинаковых костюмах разного оттенка. Я даже не испугалась, сообразив, что милиция должна была оставить засаду в квартире, где нашли труп...

Один издала показал мне красную книжечку и сказал, не вставая:

— Нам так хотелось с вами побеседовать, что мы заждались...

— Вы так и сидите тут после моего звонка?!

— Почему вы, обнаружив труп своего сожителя, сбежали?

— А откуда известно, что его обнаружила я?

Лицо Сиреневатого оставалось неподвижным, а Сероватый вздохнул и перехватил инициативу.

— Вы заметили, что пропало из квартиры?

— Пропала картина Шагала, — сказала я кротко.

— Вы уверены, что это был Шагал? У вас имелась музейная атрибуция?

Голос Сиреневатого стал острым, как бритва.

— Откуда у вас эта картина?

— Мать принесла, просила продать. А ей оставил картину мой отец, который уехал в Австралию.

Они переглянулись, и Сероватый сказал мягким баритоном:

— Советую не юлить. Нам известно, что вы вели аморальный образ жизни...

Эти слова словно подстегнули меня. Они еще будут мне мораль читать, шестерки, которых Карен покупал по двадцать штук на дюжину!

— У вас есть доказательства? Сейчас можно подавать в суд за оскорбление чести и достоинства не только Президента!

— Кем вам приходился убитый?

— Я сдавала ему квартиру, когда он приезжал в Москву в командировку.

Они хихикнули, и тут впервые что-то во мне зазвенело, какое-то сомнение, неясное, неосознанное, но тревожное.

— Да вы хоть знали, чем он занимался?

— Говорил, что работает в СЭВе...

Сиреневатый откровенно рассмеялся.

— Вы, конечно, тоже там работаете?

Их давил восторг, и я начала понимать, что они совсем не из милиции.

— А разве вы это не выяснили? В ДЭЗе знают, что я учительница. К вашему сведению, преподаю английский язык в школе.

Они переглянулись.

— Вы нас не учите, как работать! — прикрикнул Сероватый. — Лучше скажите, что пропало?

Я пожала плечами.

— Я не разглядывала... Кажется... тряпки на месте.

— А драгоценности?

— У меня их было немного...

— А где они хранились?

— В шкапулке, на комодке, разве вы их не заметили?

Секретер оставался открытым, как и тайник, и они имели право спросить меня об этом.

— Не знаю, я там ничего не держала, мебель доставил Карен. Он мне платил за хранение, пока оформлял перевозку в Ереван.

Главное, говорила я себе, сохранять естественность и не показывать, что я догадалась о самозванстве...

Но им надоело вилить.

— Куда делись запонки?

— Какие запонки?

— Не придуривайся, дешевка!

Голос Сероватого прозвучал, как щелканье бича укротителя тигров.

— Я не ношу запонок...

Сиреневатый встал, подошел ко мне, и я увидела в его руке опасную бритву.

— Догадалась, шкура? Так могу и личико разукрасить! Лучше выдай их по-доброму...

Я вспомнила слова Алки, что никакая вещь не стоит человеческой жизни, но так просто сдаваться не хотела.

— Плохо работаете, шавки! Давно могли бы все выяснить без мокрухи. Карен толкнул их одной дамочке за два яйца Фаберже...

Эту фамилию они знали, но их мозговые шестеренки шевелились слабо.

— И молчал, кисель невареный ему в глотку...

— А разве этот Фаберже ценный, что он взял яйца вместо запонок?

— Клиенты за бугром заказывали. Им наши реликвии до фени...

Кажется, они начинали верить.

— А может, побреем курочку наголо,— предложил сладострастно Сероватый,— ох и повизжит...

— Заткнись! На работе не развлекаются. Еще легавых привлечешь!— Сиреневатый прошелся по комнате и плюнул на ковер.— Ну и фрайер! Ни хрустала, ни золота, одни антики...

Потом сел, достал из «дипломата» блокнот, ручку, точно решил взять у меня интервью.

— Быстро адрес старухи!

— Да она дамочка...

— Растереть и забыть! Фамилию, адресок, приметы.

Я мгновенно перебрала в голове сотню вариантов и назвала им адрес цековского дома, где постоянно дежурили милиционеры под видом вахтеров, а также фамилию жены одного посла. Она приезжала в Москву, была несколько раз на аукционе. Карен ее прекрасно знал, их связывали какие-то дела, но сейчас она отбыла к мужу, чтобы щебетать на приемах в ООН и спекулировать тряпками, скупаемыми по дешевке не в магазинах, а на оптовых базах...

— Ну, смотри, курва, сожрала — всю красоту сотрем, на аптеку работать будем...

После их ухода я бросилась к телефону и позвонила Алке. Мне хотелось услышать нормальный голос нормального человека, который меня любил. Но муж мрачно сказал, что ее увезли в больницу.

— Что случилось?

— Кровотечение. На сохранение положили.

Я охнула. Алка беременна и ничего мне не сказала! На секунду нечто похожее на зависть шевельнулось во мне. Но только на секунду.

В ШКОЛЕ

Утром я поехала на работу, совершенно не думая, чему посвящен очередной урок-фикция. Я не могла научить школьников

разговаривать по-английски, а они не желали тратить время на бесполезную грамматику и адаптированные тексты.

Как всегда, я опаздывала и оглянулась в поисках такси.

Время поджимало, и я подняла руку перед частником. Хотя в класс я влетела с последним звонком, настроение улучшилось. Мы работали над рассказом О'Генри «Последний лист», когда явилась секретарь директора и срочно вызвала меня в его кабинет.

Я попросила учеников подготовить перевод двадцати строк рассказа О'Генри и пошла по коридору, механически прислушиваясь к монотонным голосам, доносившимся из классов.

Застав в пустом кабинете директора Юрку Гаврилова, с которым мы учились на параллельных курсах в университете, я страшно удивилась. Он был с юрфака, и наши компании часто перекрещивались...

— Привет светилу юриспруденции! Что ты тут делаешь?

— Жду свидетеля... или глупого подозреваемого.

Его простецкое твердое лицо за восемь лет подсохло и постарело, он уже не напоминал плакат с портретом образцового комсомольца, призывающего крепить интернациональную дружбу черных, желтых и красноватых человечков. Зато фигура раздалась, плечи отяжелели, а свитер толстой вязки делал его похожим на отставного футболиста...

Кажется, меня он вычислил точно, потому что спросил в лоб, без обычных формальностей:

— Почему ты сбежала, позвонив в милицию?

— Растерялась.

— Ты-то? За робкую индюшку я тебя никогда не держал...

— Хотелось самой разобраться...

— Ох, твои петли только прибавили мне работы! А главное — впустую, ничего ведь не узнала, только под ногами крутилась. И все время после твоих визитов случались несчастья. Вот и «тетю Лошадь» убили именно после твоего ухода...

— А ее за что?

— Разбираемся...

— Из-за коллекций?

— Все может быть...

— А все-таки, кем ты работаешь, не темни?

— Следователем прокуратуры по особо важным делам.

— А, «важненькая»! — сказала я, мучительно перебирая в памяти, что я могла сделать или сболтнуть, из-за чего так страшно пострадала «тетя Лошадь».

— Грамотная... — без улыбки перебил мой старый знакомый, сидевший в цивильном свитере за столом директора. — Ладно, кончим шутки. Когда ты последний раз видела Карена живым?

Я стала подсчитывать. До аукциона четыре дня жила у матери. Аукцион происходил в субботу, значит, труп я застала дней через пять после нашей ссоры...

— Почти неделю назад.

— А почему ты удрала к матери?

Значит, с ней уже говорил и мама не поступилась принципами, выложив все честно...

- Поссорились.
- В каких вы были отношениях?
- Босс и секретарша.

Он так на меня посмотрел, что я невольно взялась за свою рыжую гриву и свернула волосы в пучок, вспомнив, что в сумке через плечо лежат мексиканские зажимы, которые привез в прошлом году Карен.

— Ты догадываешься, из-за чего его пытали?

— Не понимаю, — сказала я искренне. — Он так пренебрегал «деревянными» деньгами, что мог откупиться от любых рэкетиров. Да и антиквариата были целые полки, не говоря о «цацках» в тайнике.

- Значит, от тебя они не таились.
- Он мне показывал, как его открывать.
- И ты туда не лазила?
- Меня не волнуют чужие вещи...

Он помолчал и что-то записал.

— Да, твоих отпечатков там не оказалось.

Прозвенел звонок, урок закончился, но мне еще надо было провести два. В кабинет заглянула наша толстая директриса:

— Ох, простите, я думала, вы уже кончили...

Я фыркнула, но Юрка остался «при исполнении».

— Мы еще немного задержимся, если позволите...

Она замахала толстенькими короткими ручками:

— Бога ради, сколько хотите... — и осторожно прикрыла дверь собственного кабинета.

Тут я сообразила, что на обыкновенное убийство не бросают следователя по особо важным делам... Значит, в этой истории много «гитиков», как любил говорить мой бывший супруг.

— Вы поймали убийцу?

— Это не кино, в «пятнашки» никто не играет. Лучше объясни, почему тебя носило к Марату, к Степе? Заподозрила их как наводчиков?

Я кивнула, ощущая свою глупость. Горе-конspirатор! Как быстро прошли они по моим следам...

— А тех черненьких рэкетиров вы хоть взяли? Марат жив?

— Пока не знаем, его куда-то увезли... Слушай, а о каких запонках все время ходят слухи?

— Слушай, — передразнила я его, — ты можешь мне популярно сказать, кем был Карен?

— Он совмещал много ролей. Был и генеральным директором совместного предприятия, и толковым консультантом СЭВа, и любителем антиквариата...

— И мафиози?

— Деловые люди его ценили, а он снабжал их подлинными произведениями искусства...

— А бандиты у него были на прикорме?

Я вдруг решила, что мною интересовались представители разных групп... Марата, наверное, посетили дружки Карена, а в мою квартиру залезли люди Кооператора.

— Ну, выкладывай, что дошурупила?! Что это за запонки,

и сколько они могли стоить, если из-за них угрожали твоего босса?

— Он говорил — тысяча сто, но, наверное, приуменьшил. Ведь они считались раритетом, личные запонки последнего императора...

Юра поднялся и сказал, что вызывает меня назавтра в прокуратуру, что повестки надо читать, что в случае неповиновения меня доставят с помощью милиции...

— Какие повестки?

— Которую ты бросила возле своей квартиры, даже не заглянув в нее, а ведь она спасла тебе жизнь. Твои гости прикинули, что квартира может быть «под колпаком», и смылись, когда их фокус с оперативниками не удался...

— Значит, Карена убили из-за этих дурацких запонок?

— По-видимому.

— Им было мало Шагала?

— С картиной не все ясно, а вот запонки могли бы неплохо сыграть за бутром...

Я вспомнила Федьку. Неужели я подставила и его? Но, кажется, мой визит к нему прошел бесследно, о наших отношениях все давно забыли.

— А как убили «тетю Лошадь»?

— Часов в двенадцать ночи к ней заехала «Скорая», она сама ее вызвала. Но застали ее в агонии, она не могла говорить. Квартира была уже раскурочена... Бригада сразу перезвонила в милицию, но пальчиков мы не нашли...

Тут я вспомнила ресторанного скрипача и рассказала о его звонках.

— А в каком ресторане он играл?

Я напряглась. Она столько говорила, хвасталась, смеялась. Скорее всего это была «Варшава», рядом с аукционом...

— Ты ей поверила?

— Она была рискованной и азартной, да и подвыпила...

— А вообще пила?

— Останавливалась трудно, но всегда могла взять себя в руки.

Он что-то быстро записал в блокноте, потом закрыл его и сказал:

— Не лезла бы ты дальше, будь человеком... — Забыв попроситься, он ушел. А я долго ходила по улицам, ощущая, что странная грусть мучает меня при мысли о «тете Лошади». И жульничать любила, и никому добра бескорыстно не делала, и шумела, ссорила людей, а что-то тайлось в неухоженной, неприбранной душе невестребованное.

Я вспомнила, как она гордилась, что с ней считаются музейные работники, что третьестепенные поэтики посещают ее дом, выпрашивая подачки, что продавцы антикварных магазинов раскланиваются с опаской, но уважительно... Больше ей нечем было хвастать, хотя прожила она почти семьдесят пять лет.

А ведь умела и вязать бисером, и вышивать, и рисовать так, как не всякий реставратор, и готовить, и фантазировать, да и проработала на шелковой фабрике сорок лет, начав еще ткачихой... Она прожила жизнь, так и не реализовав своих

возможностей. А в результате — нелепая смерть. Смерть закоренелой эгоистки...

В БОЛЬНИЦЕ

К Алке я поехала в приемные часы, купив по дороге букетик фиалок. Денег в сумке оставалось на два пирожка, и я решила одолжить на первое время у матери.

В роддом, куда положили Алку, меня пускать не пожелали, а денег, которые надо было сунуть гардеробщице, чтоб дала врачебный халат, я не имела.

И вновь подумалось, что вживание в нашу действительность теперь обойдется мне дорого. На мою учительскую зарплату существовать нормально было почти невозможно.

Я постояла возле прохода на черную лестницу, а потом юркнула туда, узнав, в какой Алка палате. Я добралась на четвертый этаж и уговорила больную, звонившую по автомату, найти мою подружку и передать, что я ее ожидаю.

Алка появилась не скоро и шла так медленно, точно могла потерять свой драгоценный плод по дороге.

Лицо ее не оживилось при виде меня, и эта странная усталость или безразличие меня напугали. Когда человек перестает быть похожим на себя, это всегда настораживает. Но никаких следов беременности я не заметила.

— Что это тебе сбрендило? — спросила я оживленно. — Ведь не собиралась обзаводиться потомством...

— Надо же когда-то начать...

— Кто обрюхатил? Профессор?

Она кивнула и объяснила, что муж в курсе, не возражает, потому что давно подозревал свою неспособность в этих делах...

Не нравился мне ее вид, не узнавала я свою старую подружку. Даже колечки волос обвисли и падали на лицо, как увядшие осенние листья. А главное, не понравилась бледность, почти до синевы.

— Сколько месяцев? Много крови потеряла?

— Шесть с хвостиком. Много, наверное, из твоего Карена вытекло меньше. — Она передернулась. — Я все его вспоминаю, как его пытали...

Никогда не думала, что она будет переживать из-за моего любовника!

— А ты не хочешь перескочить к профессору? — попробовала я повеселить ее. — Сама говорила, что он вдовец, вот и подкинешь себя с младенцем...

Она снова передернулась.

— Забудь о нем... я его больше близко не подпущу...

Я заметила, что ей трудно стоять, нырнула в коридор, стащила стул и усадила Алку.

— Знаешь, я, наверное, не вытяну...

— И что? Снова забеременеешь, раз уже начала...

— Совсем не вытяну... Мне гадали недавно, что жизнь будет короткая...

— Бред! Неужели ты веришь всяким шарлатанам!?

— И снится по ночам одно сырое мясо...
— Я тебе принесу несколько сонников, — сказала я. — В каждом — разное значение снов...

Но она перебила меня:

— Шагал напелся?

— Откуда мне знать, не докладывали.

Она прикрыла глаза и замерла...

— Обещай, если умру, ты его возьмешь...

— Шагала?

— Ребенка, балда! Тебе тоже пора за что-то человеческое зацепиться...

— Ты эту кладбищенскую лирику брось...

Она меня не слушала.

— Конечно, если он родится нормальным, я так и напишу в завещании.

— Что он — чемодан, дача, чтоб его завещать!

— Он уже бьет ножками, ворочается, хочешь послушать?

Совсем сбрендил! И это моя циничная Алка!

Я наклонилась, сделала вид, что слушаю, и выпрямилась. Страшно мне стало, до чего женщину эта блажь уродует, даже врача... Но ей нужны фрукты, овощи, весной теперь все так дорого. Я решила тайком забежать к ее профессору, такие дрожат за свою репутацию...

Мы еще немного поболтали, она жаловалась на соседок по палате, которые не позволяли открывать окна, на их храп... И я все больше утверждалась в мысли добиться от этого толстого хмыря создания для нее нормальных условий... Ведь бабцековских не помещали в такие рабоче-крестьянские хлева, а он консультант Четвертой управы. Может устроить туда за просто...

Я не умела откладывать своих решений и сразу после больницы стала вспоминать, где живет научный руководитель Алки. В тот вечер, когда она нас знакомила, он упомянул, что любит свою Плющиху, и с гордостью подчеркнул, что живет в доме Совета Министров... Неужели мы соседи?!

Я понеслась в ДЭЗ, мечтая, чтобы у них был вечерний прием, и ворвалась туда в последние минуты перед закрытием. К счастью, у меня в сумке были пробные французские духи, Карен снабжал меня ими, посмеиваясь, что в мире «деревянных» денег это лучший сувенир для наведения мостов дружбы... Духи сработали снайперски, и оказалось, что мы с Алкиным профессором живем в соседних подъездах.

Я поднялась к профессору без оповещения, позвонила торопливо три раза и очень удивилась, когда, открыв дверь с радостным возгласом, он вдруг отшатнулся, точно увидел Медузу Горгону. Но я влетела в переднюю с такой решимостью, что он отступил.

— Вы меня не узнаете, я подруга Аллы...

За эти годы он стал еще толще и трясся в своей китайской пижаме, как желе.

— Разговор будет недолгим, но, может быть, вы меня пустите в комнату...

Я нагло открыла застекленные двустворчатые двери, вошла в большую комнату, увешанную картинами, и сразу увидела своего Шагала, висевшего в центре между двух окон.

— Позвольте, я вам все объясню... — задребезжал он, забегая вперед, точно хотел прикрыть картину, — я его купил, я заплатил двадцать тысяч, я ничего не знал, мальчики сами принесли...

— Мальчики?

— Поймите, мы врачи, у меня оказался один больной, близкий к миру искусств. И когда я сказал, что слышал о картине Шагала, он пообещал помочь...

— Помочь?

— А потом принес картину, объяснил, что перекупил для меня...

— Алла ее видела?

Он кивнул, отчего его висячие щеки задрожали.

— Ей после этого стало плохо?

— Но поймите, я ничего не успел объяснить...

— Зато она вам сказала, что из-за этой картины произошло убийство...

Он кивал, как китайский болванчик.

— Поймите, я коллекционер. Когда загорается душа, наступают забвение принципов... Успокойтесь, я вам доплачу, может быть, вас устроит тысяч пять...

Я не успокоилась, а врзала ему по физиономии и бросилась к двери.

Дома я первым делом подошла к шкафу и стала прикидывать, что можно продать быстро, без больших хлопот. Мне уже не нужна норковая шуба, а вот кожаное пальто не стоило сплавлять. Его можно начинить теплой подкладкой, и лет на пять хватит в пир, в мир и в хорошие люди.

Моя практичность и тут сработала. Надо было думать не только о себе, но и об Алке. С ее здоровьем она, видимо, долго не сможет работать, а зарплата мужа нынче не прокормит троих...

НЕОЖИДАННОСТЬ

На другой день после уроков я поехала к Федьке, осматриваясь, как шпион в кинофильмах, нет ли за мной хвоста. Я очень боялась навести на него тех подонков, которые убили Карена и «тетю Лошадь». Лишь одно утешало — его нелепая коммунальная квартира.

Я упрямо звонила, пока не появился Федька, разлохмаченный и смущенный. Он пытался поговорить со мной в коридоре, но я ринулась в его полутемную комнату с такой стремительностью, что влетела туда раньше хозяина.

На диване лежало знакомое существо, завернутое в мохнатую купальную простыню, и улыбалось, вызывая и чуть смущенно. Это была моя десятиклассница — Ильза Михайлова.

Переглянувшись, мы одновременно захохотали, чем очень удивили моего старого друга.

— Вы знакомы?

— Да, уже почти три года...— сказала я.— Значит, это и есть твой ученый друг, которого ты почти любишь, потому что он доставляет тебе бездну радости в постели?

Она кивнула, показав маленькие и острые зубки, а я почему-то с облегчением подумала, что неутешный Федька остался верен себе. Возраст его девочек неудержимо уменьшался, как и волосы на лбу...

— Я его лечила...— сказала с вызовом Ильза.— У него ангина.

— Лучший способ излечения ангины!

— Но, понимаешь, я же чемпион по ангинам,— начал Федька,— а она знает точки иглоукалывания...

Меня растрогало, что он еще не потерял способности смущаться, но у меня было мало времени.

— К сожалению,— сказала я,— придется прервать сеанс... Одевайся, Ильза, мне надо поговорить с твоим «пациентом»...

Она непринужденно сбросила простыню и стала медленно и чуть вызывающе одеваться. Я обратила внимание, что и белье, и джинсы, и блузон были самого дорогого и высокого качества и подобраны с большим вкусом.

Одевшись и накрившись, Ильза вежливо поцеловала Федьку в щеку и сразу превратилась в образцовую десятиклассницу. Она почтительно попрощалась со своей учительницей.

— Осуждаешь?— спросил Федька, лихорадочно поглаживая бороду.— Но я ее описываю... Ты даже не представляешь, что это за мир! Я от нее узнаю больше, чем от всех женщин, которых встречал в жизни. Представляешь, теперь в их кругах модно заказывать драку в барах для развлечения девушек!

— Представляю,— сказала я холодно и мысленно поблагодарила Карена, враждавшего в более серьезных кругах, где дракой никого не развеселишь.— Значит, от тебя у нее нет секретов?

Кто-то зазвонил в дверь.

— Снова что-то забыла,— сказал с восторгом Федька.— она по пять раз возвращается, нарочно, чтобы меня подразнить...

Он явно позабыл свои любовные объяснения, которыми обволакивал меня несколько дней назад, и откровенно гордился Ильзой. Пока он открывал дверь, я быстро приподняла торшер, вынула запонки и бросила их в специальный карманчик, который утром пришила изнутри к бюстгальтеру. И вовремя, потому что в комнату вместе с Федькой вошел Кооператор.

— Познакомьтесь,— радушно сказал мой старый друг,— это приятель Ильзы, он работает барменом в гостинице «Космос», и мы с ним вскоре откроем журналистское кафе...

Неожиданность придавила меня.

— И еще он обещал выпустить мой роман, так как связан с кооперативным издательством...

Кооператор овладел собой раньше меня и сказал с деревянной светскостью:

— Кажется, мы с вами встречались?

— Встречались,— подтвердила я, физически ощущая, как пульсируют у меня на груди проклятые запонки.

— Вы давно видели Марата?

Его вопрос ошеломил меня. Я была уверена, что он из банды, которая приходила ко мне на квартиру под видом милиции.

— Дня четыре назад.

— Где?

— На его квартире.

— Он был один?

— Нет, с двумя чернявыми юнцами...

Кооператор помрачнел, а я почему-то подумала, что всегда вижу его в одной и той же куртке с металлическими пластинками на плечах. Самосохранение или равнодушие к моде?.. Теперь у меня появился шанс хоть что-то узнать о Кооператоре, оказавшемся не бандитом, а всего-навсего очередным маленьким деловым человечком на чьих-то посылках...

— Нам не по дороге, — сказала я, поднимаясь, но Кооператор остановил меня.

— Если вы подождете внизу пять минут... Мы только покончим с нашими расчетами...

Стоя у Федькиного подъезда, я думала, как поступить с запонками. Вернуть хозяйке? Но я была уверена, что они достались ей несправедливым путем. Сдать в прокуратуру? А где гарантия, что они не прилипнут к чьим-то великосветским ручкам? Прикарманить? Но я не любила незаработанные вещи и понимала опасность, которую они несли...

Кооператор появился довольно быстро.

— Мир тесен, все время локтями попадаешь в знакомых...

Мы двинулись по тротуару.

— Разве вы не рэкетир? — спросила я небрежно.

Он поперхнулся, посмотрел на меня и засмеялся.

— Вы были шестеркой Карена?

— Больно надо, у меня свое дело... — Голос хоть и был задирист, но не тверд.

— Откуда вы узнали, что его убили?

Он молча шагнул рядом, и я заметила, что он все время оглядывается. Нет, спокойствия в его душе не было, он скорее напоминал дичь, а не охотника.

— Ко мне в бар пришли эти сопляки, чернявые гниды, и потребовали: ставь полсотни тысяч, а то пойдешь за Кареном... Ну, я их лбами стукнул, щенков злобных, не поверил, значит, а тут Марат прибежал, подтвердил, он среди многих крутился, себе цену набивал... И о картине, и о запонках, звонарь безмозглый!...

...И этот путь оказался тупиковым.

В ПРОКУРАТУРЕ

Получив пропуск, я довольно легко нашла нужный кабинет и возле него увидела в кресле Лизу. Мы были удивлены такой встречей, и она с возмущением произнесла:

— Безобразие! Заставляют тратить время, а никого нет на месте. Неужели и тут бегают во время рабочего дня за колготками?

Потом оценивающе посмотрела на меня и спросила:

— Вас вызвали из-за «тети Лошади»?

Я пожала плечами.

— Вместо того, чтобы охранять коллекционеров, нас дергают с дурацкими вопросами. Представляете, в прошлый раз они допытывались, как мы составили свою коллекцию! Это-то при нашем бюджете? Ну, объясните, почему я, доктор наук, обязана доказывать, что не являюсь преступницей? Пусть они мне предъявят факты незаконности моих действий!

Ее некрасивое, но породистое лицо покраснело.

— Представляете, два часа терзали вопросами, что и как я меняла с «тетей Лошадью»! Можно подумать, что я навела на нее преступников. Да она сама была так нечистоплотна, так жадна...

— О мертвых или ничего, или только хорошее...

Мне стало неприятно. Единственным человеком, которого «тетя Лошадь» любила и уважала, была Лиза.

— А вы знаете, что она ходила последние годы постоянно на вернисаж и подстерегала несчастных старух, выторговывая за гроши редкости? Она мне предлагала бисерную картину за пятьсот рублей, а потом сообразилась, что купила ее за десятку...

— И вы купили?

— Она не захотела мне уступить, я давала триста... А последний раз я видела у нее рукодельный набор тульской работы. Представляете, яйцо из слоновой кости, инициалы стальные, с бриллиантовой огранкой, а внутри — игольник, ножницы, катушечки... ах! — У нее даже дух занялся от зависти. — А как она была надоедлива и бесцеремонна! Могла прийти без звонка, точно самый желанный гость, и, усевшись, начинала все вещи ругать или выпрашивать.

Лиза раздраженно расстегивала и застегивала новый вязанный жакет своей работы, как всегда, необыкновенно удачно сочетавшийся с юбкой и дорогими, хоть и не очень заметными, украшениями. Больше всего она любила эмалевые серьги-негрятята, с маленькими алмазами. «Тетя Лошадь» постоянно пыталась их у нее выпарпать, но Лиза никогда не меняла по-настоящему хорошие вещи.

— А вы не знаете, кому достанется ее коллекция? Ее не собираются пускать на аукцион?

— Она говорила, что завещала вещи музею, тем более что многие там и находились на хранении... Но обещала наследство...

— Вы у нее что-нибудь приобрели в последнее время? Говорили, что она не брезговала скупать и краденые вещи...

— Но вы тоже от них не отказывались, она рассказывала о какой-то уникальной бисерной скатерти...

— Наглая ложь! — По лицу Лизы пошли синеватые пятна, и я заметила, что попала в цель.

Но тут в коридоре появился Юрка, «важняк», очень официально пригласил меня в кабинет, где начал задавать традиционные вопросы, точно видел меня первый раз в жизни. Я отвечала лаконично и четко. Запонки грелись на моей груди, и я еще не решила, как с ними поступить.

После серии официальных, зафиксированных показаний я спросила:

— Скрипача нашли?

Он молча посмотрел на меня и стал копаться в бумагах.

— О Марате ничего не слышно?

Он мазнул взглядом по моему лицу и неожиданно бросил передо мной веером фотографии. Когда-то «тетя Лошадь» так же швырнула деньги, чтобы купить моего Шагала.

Я только взглянула и зажмурилась... Жестокость была патологическая.

— Дать воды?

Я молчала, не открывая глаз, пытаюсь прогнать увиденное из памяти. Я давно презирала этого человека, давно не доверяла, но такая страшная смерть!

— Разве ты в этом не виновна? Если бы сразу позвонила в милицию... Ведь я могу привлечь тебя за сокрытие сведений по убийству...

— Откуда я знала, что его убьют? Он со всякими подонками жился...

— Струсил? Побоялась связываться?

Его голос шуршал где-то вдалеке, а я все пыталась понять, почему сбежала из квартиры Марата и не попробовала помочь ему? Но ведь он держался с ними, как хороший знакомый, ни о чем не предупредил, продавал меня всем, кто мог дать приличную цену, пытался быть моим сутенером...

— Так и будешь молчать? Ну-ка, встряхнись, возьми себя в руки...

Я открыла глаза, и мне показалось, что прошло уже много времени.

— У него были родственники?

— Кажется, были.

— А ты никого не знала лично?

— Вы разыскали родных Карена? — задала я встречный вопрос.

Он усмехнулся.

— Боишься раздела имущества?!

Меня охватила злость, и я решила ничего не говорить.

Неожиданно «важняк» отложил ручку, прикрыл протокол и сказал, глядя на меня в упор:

— А ведь в университете я мечтал о тебе...

Я даже растерялась и ничего умнее не придумала, как спросить:

— Твой кабинет не прослушивается?

— Ты была такой яркой... — продолжал он, будто не расслышал моего вопроса.

— Я так постарела?

— И кем ты стала? Просто в голове не укладывается... Ну, современные девочки для радости...

— То есть шлюхи...

— Хоть оправдание имеют: безотцовщина, алкоголики в семье, без профессии...

— А сколько с высшим образованием сидят в «Космосе»?!

— Но ты знала языки, танцевала индийский танец в нашей самодеятельности, помнишь? На всех вечерах...

— И еще — возжу машину, печатаю на машинке, стенографирую и работаю на компьютере...

Глухо. Он меня не слушал.

— И ради шмоток, бабок...

— Ради независимости...

— Обидно, такой человеческий материал пропал...

— Да что ты меня хоронишь...

Без толку. Юрка вел свою партию без учета реплик партнерши.

— И хоть бы слезинку проронила... Видишь, что сделали с Маратом? Ты же с ним тоже жила.

— Мало ли с кем я жила! На всех слез не хватит...

Мой вызов его не тронул.

— Почему ты уперлась, как баран...

— Овца будет ближе...

— Ведь ты, по сути, осталась честным человеком...

Тут мое терпение лопнуло, и я поднялась.

— А вот оценки мне не нужны. И вообще мои эмоции прокучатуру не касаются. Отметьте пропуск, гражданин следовательно, я правильно вас называю?

Он внимательно посмотрел на меня, слегка усмехнулся и сказал на прощание:

— Если к тебе опять придут, позвони по этому телефону.

Я посмотрела на визитку и пришла в полный восторг. Там стояло: парикмахер-модельер. На русском и английском языках.

Эта конспирация меня так развеселила, что я долго улыбалась, проходя по Столешникову на Тверскую. И даже решила пройтись до дома пешком, чтобы разобраться в своих чувствах и поступках.

Если быть честной, гибель Марата меня не огорчила. Нет, конечно, по-человечески его было жалко, но это первый случай в моей жизни, когда судьба наказывала подлого человека. Страшное возмездие казалось почти справедливым.

Но почему мне до боли жаль «тетю Лошадь», Карена? Они тоже были далеко не ангелами, но в их действиях ощущался размах, им были чужды шакальи поиски обьедков. Хотя стоит ли копаться во всем этом? Чем я лучше? Воспоминания о лжеамериканце и шейхе почти стерли добрую память о Карене. Он вышвырнул меня при первой осечке. И дурил, как младенца, разговорами о счете, долларах...

ВДОВА КАРЕНА

Вечером позвонила вахтерша и сказала, что меня ждет какая-то женщина.

— Какая женщина?

— Ну, из этих, восточных...

Я пожала плечами, но женщин не боялась, а потому открыла дверь.

Передо мной стояла толстая старая армянка с темными усами

над губой, измученным лицом и растрепанными седыми волосами под черной косынкой.

— Вы ко мне?

— Вай-ме, деточка, я жена... нет, страшно сказать, вдова Карена.

Я часто пыталась представить законную спутницу моего любовника, и теперь при виде ее по моей спине пробежали мурашки.

— Раздевайтесь.

Я повесила старенькое черное пальтишко из плюша на вешалку и пропустила ее в комнату.

— Вай-ме, и фотографии его нет! Не заслужил, значит. А я цветочки принесла, чтобы положить...

Она достала из облезлой сумки букет ярких сочных роз и поискала глазами вазу.

Я налила воды в любимую фарфоровую вазу Карена, покрытую выпуклыми незабудками, и поставила розы, испытывая острое чувство неловкости. Эта маленькая толстая женщина лишила меня наглости, на которую я настраивалась заранее...

Женщина села, сцепила пальцы на столе и внимательно посмотрела на меня.

— Красивая деточка, самая красивая из его дамочек... Но и тебя время не пожалеет, согнет, состарит, а чем жить будешь? Мне хоть внуки сердце греют.

— А дочери?

Из ее запавших глаз закапали слезы.

— Вай-ме, разве он ничего не говорил? Уже два года как нет моих цветочков, погибли в землетрясении, вместе с мужьями... К счастью, внучат я взяла на лето к себе в Ереван. Мать божья прикрыла их своим крылом...

Карен мне ничего об этом не рассказывал и никогда не привозил из-за границы детских вещей.

— А внуки маленькие?

— Три годика солнышку Мушкетик и пять — луне Ануш.

Я ничего не понимала. Играет она или Карен на самом деле был не тот, кем я его представляла? Может, у него где-то была вторая семья?

— Простите, — сказала я, — вы первая жена Карена?

— Я — первая и последняя, единственная на нашей горькой земле, а другие были дымом, для дела и для тела. Армянский мужчина не может без женщин, но жену имеет только одну, на всю жизнь...

— Но вы обеспечены? У вас есть квартира, дача, пенсия?

— Все есть, золотая деточка, только Каренчика не вернешь. Была бы одна, ушла бы следом, но детишек надо в люди вывести. Время теперь беспокойное, страшное...

— Здесь почти все вещи принадлежали Карену, — сказала я, не дожидаясь ее атаки. — Вы можете все забрать. И фарфор, и мебель. Только драгоценности бандиты унесли...

— Неужели у тебя нет его фотографии?

— Нет, он не позволял себя фотографировать, даже на приемах отворачивался...

— Вай-ме, я как знала, чуяла сердцем...

Она достала из своей древней сумки большую фотографию Карена. В тренировочном костюме, босиком, он так весело улыбался, что у меня опять защемило сердце.

Женщина поставила фотографию на секретер рядом с розами и удовлетворенно вздохнула.

— Ну, вместе с ним и говорить легче. — Голос сразу стал жестче и грубее. — Фарфор мне не нужен, дорогая. И мебель-шмебель. Я скоро уеду в Америку, уже все оформлено. Отлет послезавтра. Так что это тебе, за верную службу. Я и документик принесла, отказ от всяких прав на твое имущество...

— А от этого вы тоже отказываетесь?

Я рывком вынула из бюстгальтера запонки, завернутые в тряпочку, и бросила ей.

Она неторопливо развернула сверток.

— Вай-ме, какая ты молодец! А я все думала — отдашь или соврешь, на бандитов соплешься? Карен писал, хвастал этой поупкой, большие дела собирался с ними делать...

Она ласково погладила запонки и небрежно кинула их в сумку.

— Ну, спасибо за честность... Я тоже тебя отдарю...

И вдова Карена положила на стол длинную узкую бумагу, похожую на банковский чек.

— Бери, твой вклад, Карен никого не обманывал. За границей востребуешь, десять тысяч долларов на дороге не валяются...

— Вы обо всех его делах знали?

— У мужа от меня секретов не было, за то и ценил, что не командовала, всегда соглашалась, у нас, у армян, жена должна быть покорной...

— Из-за этих запонок его и замучили...

— Догадывалась... — Лицо ее стало жестоким. — Но скоро их покарает рука господня, я молилась каждый день, постилась и молилась, хотя Католикос сказал, что и плохая христианка...

— Куда вы едете? — спросила я.

— В Калифорнию. Там моя сестра, там много наших, даже откупили целый квартал в Лос-Анджелесе... Говорила я Карену, чтоб заканчивал свои дела, а он все не мог наиграться в свои мужские игры, сердце у него было, как у двадцатилетнего...

Она встала, походила по комнате, разглядывая вещи, точно искала на них следы его рук, потом сказала:

— Он тебя ценил, считал чистой, удивлялся, что сунулась в такие дела... И я тебе говорю — уезжай! Тут жить нельзя, уезжай!

— А фотография... — начала я.

— Оставь, пусть поживет в этом доме, порадует, когда все будут наказаны. Тогда сожжешь, только не выбрасывай, а то счастья не увидишь...

Она надела свое пальтишко, завязала черный платок и неожиданно меня перекрестила, усмехаясь вялыми, морицинистыми губами.

Я долго сидела после ее ухода, понимая, что теперь мои проблемы решены. Буду продавать по одной-две вещи в месяц...

ПОХИЩЕНИЕ

Как это ни странно, отдав вдове Карена запонки, я почувствовала облегчение. Мне казалось, что теперь ни у кого ко мне не может быть претензий: ни у рэкетиров, ни у прокуратуры. Поэтому ночь я проспала спокойно, не прислушиваясь, как раньше, ко всем шорохам и стукам в своей квартире. Ни Шагала, ни запонок больше не существовало, а следовательно, я в полной безопасности.

Утром я первый раз после гибели Карена навела на себя марафет, очень скромный, но делавший мое лицо вызывающе красивым, и распустила рыжую гриву. Тут я вспомнила о смешной визитке Юрки, валявшейся в сумке, которую я хотела выбросить, но решила оставить как курьез. Накинув на скромный темно-синий костюм «от Диора» ярко-зеленый шарф, я вышла на улицу танцующим шагом.

Недалеко от моего подъезда стояла черная «Волга». Я мельком взглянула на нее и двинулась в сторону Первого Неопалимовского переулка. Вдруг мой высокий каблук попал в щель треснутого асфальта, и я чуть не упала. Кто-то вежливо взял меня под руку, помогая сохранить равновесие. Я выпрямилась, поблагодарила, но чужие пальцы не отпускали мой локоть, а настойчиво тянули к машине.

Я не сразу поняла, в чем дело, вернее, не узнала своего нахального спутника, решив, что очередной поклонник набивается на знакомство.

Подойдя к черной «Волге», я вдруг вспомнила и эти узкие черные глазки, и усики, но тут из машины вылез его напарник, и они вдвоем быстро затолкали меня в душное бензиновое нутро салона.

Сейчас трудно вспомнить, могла ли я закричать, вырваться. На Плющихе никого не было. А может быть, я предвкушала, как разочарую бандитов, объявив, что возжеленной добыче «придellали ножки». Невольно я скосила глаза на руку соседа. Свежий праг отчетливо багровел, и я даже почувствовала гордость, что оставила такую отметину, но когда я перехватила взгляды, которыми обменялись оба конвоира, мне стало неудобно. И тогда я решила сыграть роль «красавицы», избалованной мужским вниманием. Я слегка подпернула юбку, открыла колени, которыми Бог меня не обидел, закинула ногу на ногу и томно попросила:

— Мальчики, дайте закурить!

Они снова переглянулись, и тот, кого я не пометила скальпелем, протянул мне «Пелл-Мелл». Я усмехнулась.

— Простите, но это курят лишь продавщицы галантерей.

Я полезла в сумку, достала пачку сигарет, которые привозил для меня Карен, ментоловые с медовым запахом, и предложила своим похитителям.

Сосед справа пренебрежительно фыркнул, а сосед слева взял сигарету. Тогда я решила сосредоточить свои чары на нем.

— Прикурить можно? — Я старалась говорить низким бархат-

ным голосом, лаская при этом взглядом полузакрытых томных глаз маленькое, тупое, плохо побритое лицо.

— Куда едем, мальчики? Я предпочитаю утром валютный бар в хаммеровском центре. Там потрясающий кофе и тартинки. Не пробовали?

Сосед справа зашипел, точно проколотый мяч:

— Заткнись, зараза!

А сосед слева с четким восточным акцентом произнес:

— Не надо пугать девушку, девушка будет послушной...

— Вы армянин, как и Карен? — радостно воскликнула я. — Наверное, земляки?

— Я сейчас заткну эту паскуду! — шепотом прошипел сосед справа.

Но тут обернулся водитель и, лениво растягивая звуки, сказал:

— Без нервов, мальчики.

Я узнала реставратора Степа.

Тон был уверенный, но не резкий, улыбка ленивая и добродушная, и все закружилось в моей глупой голове. Люда, его мастерская, «тетя Лошадь» — начинала складываться совершенно неожиданная мозаика, и я поразилась своей тупости. Но нельзя было выпадать из выбранной роли, и я прошебетала кокетливо:

— Привет, Степа, как приятно видеть знакомое, почти родное лицо! А куда вы меня везете? К тебе в мастерскую? Может, все-таки заедем в бар, я не успела позавтракать...

Сосед слева засмеялся:

— Люблю рискованных телок...

Степа укоризненно покачал головой.

— Позавтракаем на даче, дорогая, все пройдет на высшем уровне...

— Но я люблю утром якру... — капризничала я, — с лимоном и чуточку апельсинового сока с коньяком.

— Будет тебе белка, будет и свисток, — сказал сосед слева, поглажив мое колено, и я демонстративно придвинулась к нему.

Хотя Степа не мог нас видеть, он произнес ровным голосом:

— Эта не по твоим усам, успокойся, пока тебя не успокоили...

И мой конвойный превратился в бесчувственную статую.

Остановились мы перед двухэтажным домом, с огромными окнами и застекленными верандами. Перед зданием был разбит цветник, уже прибранный и засаженный к лету рассадой, а весь участок опоясывали высокие кусты боярышника, на фоне которых почти не просматривалась проволочная сетка.

— Как тут хорошо! — сказала я непринужденно. — Это ваша дача, Степа? Жаль, что вы никогда не приглашали меня с Людой, она, наверное, бывала здесь не раз...

— Ну, теперь у вас будет время привыкнуть к этой даче, — сказал Степа многозначительно, вылезая из машины, и я снова удивилась непропорциональности его долговязой фигуры и крошечной головки. Мои спутники шагали рядом со мной, зорко следя, чтобы я не сделала неожиданного движения.

— Шаг в сторону считается побегом... — пропела я, и конвойный со шрамом сказал с удивлением:

— Чего радуется, курва?

Его компаньон не издал ни звука, лишь старался не смотреть в мою сторону.

Мы прошли через светлую дубовую переднюю, явно сделанную на заказ, и оказались в кабинете, заставленном шведскими стеллажами. Меня восхитил камин — классический модерн, с изразцами и чугунной отделкой в виде лилий.

— Да, Степа, вкус у вас безукоризненный! — похвалила я реставратора. — Неужели этот дом ваш?!

Он показал мне на кресло возле камина, сел по другую сторону и скомандовал своим подручным:

— Завтрак по вкусу нашей гостьи. А мне кофе, тосты и яичницу с беконом.

— Прямо как в заграничных кинофильмах... — засмеялась я, чувствуя, что напряжение постепенно начало спадать.

Конвойный вкатил дубовый столик на колесах и сдернул крахмальную салфетку.

Степа жевал яичницу лениво и равнодушно, точно травку, и между несколькими глотками кофе сказал:

— Это дача Карена. Ты не знала о ней?

— Нет. Наверное, он ездил сюда с другими девушками.

— Мальчики наглупили, — продолжал Степа. — Убийство им не поручали. Я оплакивал его, как родного брата, такой голове государством руководить...

— А не играть в мафиози... — прервала я.

— При чем тут мафиози? Вы не в Америке, моя дорогая... Просто я по-дружески просил его отдать эти записки, мне светило приглашение в Южную Америку от одного очень серьезного коллекционера... И я давал Карену максимум, по самой высокой таксе...

— А теперь — ни записок, ни Карена, ни дачи...

— Нет, дача была оформлена на мое имя, и встречную расписку мы изъяли из твоей квартиры, а записки, надеюсь, ты нам подаришь... Я просчитал, они могут быть только у тебя, и бедный Карен пострадал напрасно...

— Да что в этих записках замечательного? — искренне вырвалось у меня.

— Мой миллионер собрал редкую коллекцию в память о невинно убиенном государе-императоре и его семье, и с этими записками я был бы самым желанным гостем и сотрудником...

Терпение Степы казалось безграничным. Я хотела сказать, что записки у вдовы Карена, но мне вдруг стало за нее страшно.

— У меня уже нет записок, — сказала я небрежно, — я их продала.

— Кому? — Степа согнулся в кресле, точно для прыжка. — Пойми, я отдам тебе любые драгоценности Карена. Тут дело не в цене, а в раритете. Если я потребую, миллионер сделает меня директором императорского музея... Так кому ты продала записки?

— Я их не продала, а поменяла.

Я начала медленно рассказывать, как Карен обнаружил их пропажу из секретера и как орал на меня.

— Да, пока ты была на кухне, Марат не успел их взять и от растерянности бросил под книжный шкаф...

— Так зачем его эти зверята мучили?

Он виновато пожал плечами.

— У мальчиков восточный темперамент...

— Но вы же дружили!

— Какие сантименты! Я платил достаточно щедро, не стоило ему забиваться... Тем более что мне деньги доставались честным трудом. Думаешь, реставрация — легкое ремесло, да еще в наших условиях? Пока достанешь нужные компоненты, пока разгадаешь секреты старых составов... Так на что ты поменяла запонки и с кем?

— С «тетей Лошадью»... Ты же знаешь, как она умела вьедаться в печенки. Дала пять тысяч и вазу, которую я у нее давно выпрашивала, в технике «Шакудо»... с золотым петухом...

Он с отвращением покачал головой.

— Идиотка!

— А вы ее убили... — начала я, но он меня перебил:

— Да при чем тут мы? Ее отравил Цыган, тот скрипач, который «наколот» старуху в ресторане.

— Наверное, и запонки теперь у него, — сказала я мстительно. — Она мне говорила, что он обещал достать к ним брошку, поэтому и телефон дала, и в квартиру впустила...

Степа качал головой и постанывал от моей глупости и своей нерасторопности.

— Ты посиди тут, — сказал он, — а я попробую навести в городе справки.

— Только не лезь в ее квартиру, вдруг там засада? — решила я проявить заботливость.

— А я — наследник, она постоянно это говорила, да и ключи у меня есть, ее подарок...

Он бесшумным шагом прошелся по библиотеке.

— Потерпи, вечером Людку захвачу, покайфуем. Надо же снять стресс!

— Но твои «шестерки» могут быть нахальными...

— Без моего приказа?

Он тут же позвал своих сообщников и сказал им, что я его гостя, что все мои желания должны выполняться, только надо следить, чтобы я не покидала дачу до его возвращения.

Мне стало смешно, но я сделала вид, что огорчена покушением на мою свободу...

Подождав полчаса после отъезда Степы, я потребовала телефон, но в ответ услышала:

— Не велено...

— Мне надо позвонить парикмахеру... Из-за вас я теряю очередь, имейте совесть, прическа для женщины важнее любовников...

— В какую парикмахерскую звонить? Диктуйте номер...

— Разве я похожа на женщин, которые посещают парикмахерские? — Я гордо пожала плечами. — У меня свой мастер, на дому. Поль Федюнин.

Я достала визитку Юрки.

— Скажите по этому номеру, что я задерживаюсь...

После внимательного изучения визитки мне был передан аппарат на длинном шнуре. Я набрала номер и кокетливо произнесла в трубку:

— Это Анастасия... Добрый день, я записана на сегодня, на три часа, но обстоятельства изменились... Может быть, перенесем на вечер?

— Лучше на завтра... — Бесхитростно посоветовал следивший за мной юнец.

— Вот мне подсказывают, что я не освобожусь раньше завтрашнего дня... Примете?

— Не вешай полностью трубку... — прозвучал в ответ голос Юрки.

Я обернулась:

— Ой, кто это заглядывает в окна?

Юнец кинулся к стеклам, а я осторожно поставила аппарат на пол, не установив полностью трубку на рычаг.

— Никого, вам почудилось...

Я громко вздохнула:

— Наверное, я так устала от всех волнений... А чем вы меня будете развлекать до возвращения Степы?

Он нахмурил чистенький, низенький лоб.

— Телек хотите? Хоккей показывают...

— Мне бы чего-нибудь попроще... — хмыкнула я, подошла к полкам и начала рыться в книгах, вызвав у моего надсмотрщика откровенную зевоту.

— И чего тут читать? Отдыхайте, никто ведь не заставляет вас работать...

Книга у него явно ассоциировалась с тягостной трудовой повинностью.

— Принесите плед, — сказала я капризно, — хоть вздремну, чтоб время шло быстрее.

Юнец выбежал из комнаты, так и не поправив трубку телефона, и я успокоилась, подсчитывая, за сколько минут доберутся сюда работники милиции.

ПИРРОВА ПОБЕДА

Их повязали почти бескровно. Юнцы не успели взяться за оружие, а Степу изъяли из «общественной жизни» на квартире «тети Лошади». Там уже собирались снять засаду, и он попал в объятия тех, кто даже не подозревал о его существовании.

Степа долго отнекивался, кричал, что был крестником «тети Лошади» и считал себя ее наследником. Но юнцы раскололись быстро, так как их пальчики нашли и на трупе Карена, и на трупе Марата.

За ними тянулась такая длинная кровавая цепочка, что их даже показывали психиатрам, не обнаружившим у них ничего, кроме легкого нервного расстройства.

Из-за Степы вызывали многих коллекционеров, которых он

обслуживал. Никто не хотел верить, что такой Мастер стал преступником.

При очередном свидании Юрка сказал, что у него есть для меня сюрприз, и показал мне картину Шагала.

— Твоя?

— Мамина. А как ты узнал, что она у профессора?

Он засмеялся в ответ и спросил:

— Кто атрибутировал это произведение?

— Сначала Степа, потом Лиза. Правда, она признала ее за картину Филонова.

— А в музеи ты не обращалась?

— Нет, отец знал ее стоимость.

«Важняк» хмыкнул, достал какую-то бумагу и протянул мне. Я прочла, что мой Шагал — подделка высокого уровня по мотивам Шагала и Филонова, с использованием подлинных красок 20-х годов...

Господи, сколько было шума и скандалов, и вокруг чего?..

— Если бы художник подписался собственным именем, он не получил бы и сотой доли того, что сорвал как реставратор...

— Неужели и тут Степа?

Следователь кивнул.

— Да, в молодости он этим баловался, набивал руку, работал красками, которые соскребал со старых любительских картин.

Я вспомнила, как «тетя Лошадь» говорила, что у ее крестника невинное хобби — наивные дилетантские картинки начала века...

— Зачем ему нужна была банда?

— Банда была не его, «шестерки» принадлежали Карену. Именно Карен втянул Степу в эти мероприятия... Сначала нанимал охранников, потом стал выполнять конфиденциальные поручения. Последние годы Карен держался очень высокомерно, а Степа считал, что именно он создал ему репутацию коллекционера-знатока. Видимо, по-разному можно отстегивать деньги. Вот Степа и воспользовался тем, что Карен не разрешал трогать своих девочек этим «шестеркам», и переманил их...

— Но бессмысленная жестокость...

— Оба — наркоманы, с двенадцати лет... Иногда наркоманы сознают, что жизнь загублена, и приходит ненависть, желание покуражиться...

— В результате чего погибли три человека...

— А себя ты не считаешь?

— Но я-то цела...

— Карен собирался тебя перепродать одному бизнесмену из Эмирата...

— Арабу? — Меня передернуло при воспоминании о шейхе.

— Да, в счет большой сделки...

— Но как?

— Карен уступал тебя за большую партию компьютеров со скидкой. Тебе была бы предложена туристская поездка в Эмираты, где ты «случайно» попала бы в гарем...

Я рассмеялась, считая, что он берет меня на пушку, и вызывающе вскинула голову.

— Что еще от меня надо?

— Где запонки?

— У вдовы Карена. Я ей отдала. Мне не нужны чужие вещи. На них слишком много крови...

Юра торопливо позвонил по телефону, сказал несколько отрывистых фраз и обозленно посмотрел на меня:

— Не могла сообщить раньше? Она сегодня утром улетела с внуками в Штаты...

— И пусть. Ей запонки пригодятся...

— Но это национальная реликвия.

— Да? Сначала человека убили, труп уничтожили, а теперь начнем слюни пускать, подлизываться к монархистам...

«Важняк» нахмурился.

— Ты обязана сдать запонки государству...

— По какому праву? Они мне не принадлежали, а в Америке, может быть, попадут в приличный музей...

— Но русское достояние...

— А сколько сплывило наше правительство за бугор «русского достояния», сколько захватило в личное пользование!

Я была очень довольна, что вдова Карена улетела. Каким бы он ни был, но в этой истории тоже оказался орехом для беззубых, задыхаясь от неумной энергии и предприимчивости... Не чувствовала я ненависти и к несчастной старухе, способной так самоотверженно любить. Это казалось высшим даром, который получает редкий счастливчик на земле.

И я окончательно решила уехать.

Без Карена вернуться к старому образу жизни казалось нелепым, найти нового «босса» было хоть и не сложно, но тревожно, да и ранга они были помельче...

А с долларами я не пропаду в любой стране, где говорят по-английски.

Я заехала к матери и сообщила о своем решении.

Мать выглядела потухшей. Не было ни криков, ни возмущений, ни попреков. Она только сказала:

— Чужие мы... — голос ее дребезжал, — не сумела воспитать в тебе настоящие идеалы, ты всю жизнь только о себе думала...

— Довольно того, что ты страдала за человечество!

Мы помолчали, она не предложила мне поесть, как раньше, словно мы были уже далеко друг от друга...

Я вернулась к себе, лениво достала из почтового ящика газеты и письма и удивилась надрывным телефонным звонкам.

Я сняла трубку и услышала голос Алкиного мужа. Алка умерла от преждевременных родов. Не дослушав его, я повесила трубку и несколько часов просидела в каком-то оцепенении. Алкина смерть казалась самой большой нелепостью, ведь она была частичкой моей души...

Я встала, сняла жакет, повесила его на вешалку и увидела брошенные второпях газеты и письмо без обратного адреса. Я равнодушно подняла его. Почерк крупный, не очень интеллигентный, конверт самый дешевый, без картинок...

Неужели очередные ракетеры?

Я надорвала конверт и увидела два листка, заполненных незнакомым почерком.

На одном было всего несколько строк:

«Пишу под диктовку Аллы. Она сознает, что умирает, но не может шевельнуться из-за капельницы. Сознание ясное, доктор засвидетельствовал ее подпись и просьбу...»

На другом листке я прочла:

«Дорогая Настя! Жизнь меня переиграла. Остается дочь. Если выживет, возьми к себе. На Ваньку надежда плохая. Он знает, что она не от него. И возиться не сможет. А тебе готовое чадо не помешает. Увези ее туда, где живут по-человечески. Пусть хоть она будет счастливой. О настоящем отце не говори, он не имеет права на детей. Обнимаю вас обеих. Алла».

Все было написано подряд, в одну строку. И только ниже стояло: «Подпись больной заверяем». Врач и старшая сестра. И печать роддома.

Я знала, что могу уехать к отцу, что это маленькое слабое существо будет со мной, но странная неуверенность охватила при мысли, что моя приемная дочь так и не узнает родного языка, вырастет в благополучной, но чужой стране, не подозревая, где остались ее корни, где могила матери.

Раньше, когда я говорила, что трудно рвать нити, связывающие меня со страной, Алка смеялась:

— Ты не репа, чтобы думать о корнях...

— Но и не перекасти-поле...

— Чушь! Родина там, где человеку хорошо.

— Почему же ты не уезжаешь?

— Меня там никто не ждет, трудно пересдать диплом, а работать посудомойкой для хорошего врача унижительно.

— Но там даже у медсестры зарплата выше!

— А самоуважение?!

И я решила, что хотя бы первые три года девочка должна прожить здесь, на родине. С моими деньгами и знанием языка я не пропаду за бугром и через несколько лет. Но лишать ребенка счастья хоть в раннем детстве слышать материнский язык я не имела права.

Раздался звонок. Долгий, настойчивый, упрямый. Пришлось встать, собраться с силами и открыть дверь.

На пороге стояла Ильза, в яркой малиновой куртке, с распущенными волосами, в вечернем макияже.

— Ой, простите, я только услышала о ваших делах. Мы в баре сидели, и я вся обмерла. Может, нужна помощь? Я все умею делать, и постираю, и уберу, только скажите.

Лицо ее, несмотря на грим, выглядело по-детски рассеянным и смущенным.

— А может, вам деньги нужны на первое время? Я достану, завтра же привезу, вы только не молчите.

Значит, Карен хоть раз да ошибся. У этой девочки осталось сердце, несмотря на то что ей пришлось испытать в свои семнадцать.

Я достала простыни, полотенца, объяснила, что в квартире будет жить маленький ребенок, и попросила прокипятить все

белье. И еще продумать, где поставить детскую кроватку.

Выходя из комнаты, я увидела фотографию Карена и вспомнила просьбу его вдовы. Не обращая внимания на изумленную Ильзу, я взяла этот портрет и подожгла с уголка зажигалкой. Страхнула с пальцев пепел, взяла Алкино завещание и поехала в роддом забирать свою будущую дочь...